

КИРА *Jo*

ЛОЖНЫЙ
МОЛОДЁЖНАЯ ПРОЗА
СТАТУС:

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

в отношениях

Кира Хо

Ложный статус: в отношениях

<https://litres.ru/73956903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смотрю на него. И быстрее, чем успеваю подумать, иду в его сторону. Смирнов что-то вещает в микрофон за стойкой, пока его также фотографируют сотни камер. На лице, как обычно, самодовольная улыбка, которая ещё больше разжигает меня.

За несколько секунд оказываюсь рядом и, не обращая внимания на недовольное бурчание какого-то мужика, хватаю Кирилла за грудки, разворачивая к себе. Впиваюсь своими губами в его. Настойчиво.

– С.. – шипит в мои губы, а когда отстраняется, практически беззвучно добавляет: – Ты пожалеешь об этом.

Ничего не отвечаю, лишь ухмыляюсь. Снаружи. Внутри горит пожар от смеси страха и непонимания.

Мы ненавидим друг друга с первого взгляда. И вот элитная тусовка, на которой он так позорно высмеивает меня. А через несколько дней я целую его на пресс-конференции перед сотнями камер. И теперь ему нужно доказать отцу, что он не ветреный мальчишка, а для этого мы должны стать парой.

Проблема? Не то слово! Ведь он угрожает раскрыть мой секрет, если я откажусь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	83
Глава 15	89
Глава 16	96
Глава 17	103
Глава 18	110
Глава 19	115
Глава 20	121
Гла	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Кира Хо

Ложный статус: в отношениях

Пролог

Рывком открываю дверь в спальню. Залетаю, оглядываясь в поиске светлой макушки, и органы падают вниз каменным месивом, когда я не вижу её.

Нет. Нет-нет.

– Только не говори, мелкая сучка, что ты реально согласилась на предложение, – рычу в пространство, а затем в несколько шагов оказываюсь рядом со шкафом.

Рывок. Внутри пустота. Её вещей нет. Нет тех самых широких толстовок и коротких юбок, которые бесили меня до чёртиков, вместе с тем вызывая лавину желания, стоило лишь раз на неё взглянуть.

Ещё одна дверца – там то же самое. Ни следа её белья, чулок и той смешной пижамы с котиками.

– Сука... – будто в коматозе делаю шаг назад.

Меня шатает. Почти штормит от одной-единственной мысли, что долбит по вискам: “она меня продала”. После всего, что было...

Качаясь, иду к креслу, стоящему напротив дивана и из которого мне открывается вид на распахнутый шкаф, усаживаюсь в него. Упираюсь локтями в колени, собираю пальцы в замок и укладывая на них подбородок. Гипнотизирую пустые полки. Не моргая. Кажется, даже не дыша. Перебираю в голове все моменты, когда мог сказать ей, что всё давно изменилось. Что нет ненависти, а только жаркое пекло по отношению к ней.

Я мог сказать. Сотню раз мог сказать, но вместо этого выбирал подстёгивать, шутить, издеваться. И вот она – расплата. Она оставила меня. А теперь там, где была её хрупкая фигура – пусто. Это ощущается, как чёрная дыра, которая затягивает всё живое, в том числе все остальные чувства. Лишь на поверхности плавает единственный оплот с её именем. Таким ненавистным и любимым одновременно.

Будто сквозь толщу воды слышу, как открывается дверь и даже когда брат садится напротив, закрывая обзор, всё равно продолжаю пялить в пустоту.

– Не тупи. Езжай к ней, – басит он.

– Уже поздно, – безэмоционально констатирую я.

– Нихера, – вижу, как его силуэт качает головой. – Не бывает поздно, бывает лишь не вовремя.

Фокусирую взгляд на хищном оскале. Непривычно видеть на нём такое выражение, если за этим не последует чья-то снесённая будка.

– И что я ей скажу? Верни деньги моему отцу, давай нач-

нём заново? – ядовито усмехаюсь.

– Пусть не возвращает, – пожимает плечами, а после с усмешкой добавляет: – Ей нужнее.

Пропускаю его колкие слова мимо ушей.

Вот вроде сижу в своей комнате, смотрю на свой шкаф и, казалось бы, всё в жизни встало на свои места. Но тогда, почему не покидает ощущение, словно я потерял очень важную деталь в своём пазле?

Глава 1

Аврора

“Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой.”

© Франсуа де Ларошфуко

– Ро, ты обещала, что пойдешь туда вместе со мной! – раздается жалобный голос подруги в динамике смарта. – Это же тусовка в честь начала года! У Смирнова!

– Я в курсе, Эля, – тихо смеюсь, качая головой. – Я же сказала, что пойду. Как раз сейчас выбираю шмот, – говорю разглядывая прилавки на городском рынке.

– И меня с собой не взяла? – обиженно сопит она.

– О, брось, ты же знаешь, что я ненавижу ходить по бутикам с кем-то. Мне одной проще, – отмахиваюсь и как раз когда прохожу мимо очередного “бутика”, какому-то китайцу приспичило громко крикнуть “распродажа”.

Закрываю микрофон рукой и, только что, телефон подмышку не заталкиваю, пробегая мимо.

– Чего? – бросает в трубку Алена.

– Ничего, какая-то дева споткнулась, – хихикаю. – Ну так что, в восемь увидимся там?

– За тобой заехать? – уже более весело спрашивает.

– Не, меня водитель привезет.

– Оки-и-и, ну давай тогда, до вечера.

– До вечера, – бросаю резко и разрываю звонок, тормозя у нужного мне прилавка.

– Привет, красавися, – улыбается молодой китаец, вскакивая с места и разводит руки в стороны. – Чего желаешь? У меня тут все Гуси, Прада...

– Да-да, не заливай, – фыркаю я, перебивая, но кое-что все же ловлю в фокус. – Дай мне вон ту юбку сорок четвертого, – указываю пальцем в клетчатую юбку. – И вон то боди такого же.

Продавец радостный уносится искать нужное в своих баулах, которые моя бабуля назвала бы “мечта оккупанта”, а я тем временем открываю приложение такси и смотрю, сколько будет стоить мой “водитель” от рынка до дома.

– Охренеть! Семьсот рублей! – возмущаюсь вслух, глядя на цифру, подсвеченную красным.

Блин, придется ехать на автобусе.

– Вот, красавися, примерь, – толкает в мои руки свои Гуси.

Примеряю вещи “на глаз”, а затем еще минут двадцать торгуюсь с наглым коротышом, потому что он пытается содрать с меня пятак за две тряпки, упорно доказывая, что это реально Гуччи, но... Как бы не на того попал. Уж я-то знаю, как в действительности выглядят брендовые шмотки, а это лишь удачная копия. Самая удачна на этом рынке, если быть

точнее. Каждый раз, как мне необходимо сменить гардероб, всегда ищу именно эту палатку. В итоге оставляю продавцу две тысячи и причитая на его наглость, сваливаю оттуда на автобусную остановку.

А теперь к предисловию, да? Я бедная. Настолько, что мне впору принимать вещи “в дар”, но я настойчиво делаю вид, что жру деньги на завтрак. Почему? Потому что я учусь в элитной академии, куда не берут бедных. Только на такой редкий бюджет, что чтобы в него влезть, нужно быть мега ботаником.

Дело в том, что моя мать умерла, оставив наследство. Оно не было огромным, но было только моим. И я приняла решение потратить его на учебу. Вот только беда в том, что его тик в тик хватило, чтобы закрыть четыре года обучения, а так как в той академии учился серпентарий в человеческом обликии, то мне приходится соответствовать. Пускай и китайскими подделками.

За первый год обучения я научилась не подпускать близко к себе девчонок, чтобы они не увидели, что мои Gucci — это Гуси, а мои Casadei — это КосаДелай. Изворотливость — наше всё.

Прыгаю в автобус, который едет практически до моего дома и только когда сажусь, переобучаюсь из китайских Lorigblu, в такие же китайские Найки, но уже не скрываю этого. Туфли упаковываю к тканевый пакет и аккуратно складываю в рюкзак.

А я живу две жизни, блин.

Снова открываю приложение такси, делаю предзаказ от своего дома до дома Смирнова. Хорошо, что этот придурак настолько “павлин”, что каждая собака знает его адрес. Ну ладно, опять придираюсь. Просто мы с ним не дружим. Вообще. Никак. Но он очень богат и плавать с ним в одном “пруду” – значит словить волну уважения. А мне это надо.

Через пару дней начнется всего лишь второй год обучения, а значит мне в этом капкане останется продержаться три года. Мелочи, если твой папа нефтяной магнат, депутат или как у Смирнова – все крупные ТЦ города принадлежат его семье. А если как у меня – ни имени, ни статуса, ни положения – то будет очень тяжело. И мне еще повезло, что у одноклассников не возникает вопросов “а кто твои предки?”...

Захожу в квартиру, уже заранее зная, что увижу пьяного отчима за столом на кухне и именно поэтому проплываю молча в свою комнату. Пытаюсь. Но, как обычно, это не помогает.

– И где ты была? – еле волоча языком спрашивает мой единственный родитель.

– Гуляла, – бросаю без эмоций, останавливаясь в пороге.

Кривлюсь от едкой вони перегара вперемишку с запахом спирта и примеси еды. Или, скорее, ее подобия.

– Учеба скоро, а ты шляешься, – гаркает он, опрокидывая в себя очередную рюмку.

Закатываю глаза, пропуская эту реплику мимо ушей, од-

новременно с этим сдерживая порыв ответить что-нибудь в духе мемов “колыхать тебя не должно”, а затем разворачиваюсь и все же ухожу в свою нору.

Пожалуй, это единственный уголок в нашей старенькой квартире, где нет странных пятен и поклеены свежие обои. Потому что я подрабатываю и откладываю каждую копейку по возможности, чтобы обновлять ремонт. Правда у моей работы есть и минусы – приходится просить смены в кафе подальше от центра, чтобы не наткнуться случайно на одногруппников.

Достаю новый шмот, развешивая его на плечики, а затем эти плечики подвешиваю на специальный крючок, прямо над увлажнителем воздуха, в который добавлено масло с ароматом черники. За несколько часов мне нужно умудриться выветрить из вещей стойкий запах рынка. Только человек покупающий вещи в таких местах может понять этот фан – это настолько запоминающееся, что ни с чем не перепутаешь: пластик, дошик и пыль в одном флаконе. Парфюм – мечта бедняка. Вообще это можно запросто сделать при помощи геля для стирки и кондиционера, но у меня нет на это времени, поэтому остается надеяться, что после сегодняшнего вечера и не стираных шмоток, я не покроюсь пятнами или каким-нибудь лишайником.

Пока шмотки проходят стандартную процедуру, достаю смарт из рюкзака и падая на кровать, открываю общий чат с девочками. Они уже вовсю обсуждают кто, в чем пойдет и

даже пару раз олкают меня, но даже после прочтения, я просто тушу экран. Моя голова, на удивление забита не тусовкой, а работой, которую снова придется совмещать с учебой.

Да здравствует три часа сна!

Сама не замечаю, как меня вырубают и просыпаюсь от громкого звука бьющегося стекла. Распахиваю глаза так резко, что голова начинает кружиться, а затем резко сажусь, ловя ориентир в пространстве. Только спустя пару минут до меня доходит, где я нахожусь и этот звук скорее всего означает, что Толя – мой отчим – снова что-то разбил.

Смотрю на экран смартфона и вот тогда-то и подсказываю, словно ошпаренная. У меня есть ровно полчаса, до того, как приедет мой “водитель”. Точнее, такси.

Да начнется марафон!

Глава 2

Кирилл

“Правдива шутка, значит, не смешна.”

© Джеффри Чосер

– Когда ваши предки возвращаются? – спрашивает Тимоха, разваливаясь в кресле на крыльце нашего дома и делая глоток рома из бокала.

– Через пару дней, – отвечает Артур – мой брат.

Хотя по крови он сводный, но мне на это вообще похер. Мы растем вместе с пяти лет.

– Как раз к конференции, – киваю подтверждая.

– А, точно, – хмыкает Тима или как мы его между собой называем – Кот. – Объявление на счет того, что тебя наконец официально впишут в долю его компании.

– Ага, – усмехаюсь, блаженно прикрывая глаза.

Я ждал этого два года, с момента, как мне исполнилось восемнадцать, но батя, по обыкновению, решил потрепать мое терпение и все оттягивал этот момент, ссылаясь на то, что я “ветренный мальчишка, который не то, что бизнес удержать не сможет, а тяжелее члена ничего не поднимет”. В общем-то, не могу его винить: я люблю шумную жизнь и как ни крути, другой не знаю.

Подъездную дорожку освещают фары, на которые мы не

обращаем внимания, однако, когда из тачки выпадывает кучка телок в юбках длиной с мой мизинец, Арчи все же вытягивает шею.

– Надеешься увидеть там единорогов? – ржет Кот.

– Не, – отмахивается брат, – развлечение на вечер.

– Тогда подожди час и тогда каждая, кто приедет сгодится на эту роль, – фыркает Тима.

Качаю головой, угорая над их диалогом, одновременно с этим поднимаясь с места и разглаживая футболку.

– Пошел встречать? – подъебывает Тимоха.

– Не, пойду спрячу любимую картину отца, а то если ее разобьют – моя голова полетит с плеч.

И разворачиваясь захожу в дом.

Вообще, я же не шучу. По каждому косяку прилетает только мне. Артура, как правило, не трогают, под предлогом того, что он белый и пушистый. Хотя это, блять, вообще не так. Во все ситуации, будь то драка или шумная тусовка, мы с ним лезли с одинаковой периодичностью. Пятьдесят на пятьдесят, так сказать. И если Марина – моя мачеха и мать Артура – могла ему прописать пару подзатыльников, то мой батя виновником всех бед видел меня. А-ля козел отпущения.

Но да пох, я и с этим смирился. А со временем еще и сам с этого начал ржать.

Прохожу широкий холл, стараясь не смотреть в глаза отцу на семейном портрете, направляюсь к лестнице. Захожу в

его кабинет и реально снимаю его любимую картину со стены, пряча ее за комод, немного отодвигая его, а на выходе еще и дверь закрываю, сразу убирая ключ в карман. По пути обратно, залетаю в комнату, проверяю смарт, который стоит на зарядке и, увидев полный заряд, отключаю провод.

Когда я спускаюсь вниз, народа уже больше, чем десять человек, но своих друзей внутри дома не нахожу. Выплываю к ним на улицу, как раз когда Арчи стоит у массивных перил крыльца и разговаривает с какой-то знакомой на лицо девкой, которую никак не получается вспомнить, а Кот сидит, все еще развалившись в кресле и монотонными движениями качает ром в бокале.

Падаю напротив Тимохи. Тянусь за еще одним бокалом и только после этого откидываюсь в кресле.

– Очкуешь? – с хитрой миной тянет он.

– Чего? – реально не соображаю, о чем речь.

– Что батя не впишет тебя?

– О, на счет этого, точно нет, – выдаю со смешком. – Весь прошлый год был паинькой лапушкой, а все замесы решал еще до того, как отец узнает. Даже телок в дом не водил, чтобы он меня не называл продавцом перчаток, только с Диной их познакомил в прошлом месяце, но это случайно вышло.

– Это которая? – Кот вскидывает бровь. – Три тройки?

– Ага, – ржу, вспоминая, почему мы дали ей такое прозвище. – Правда уже две тройки, но какая разница, если самое нужно осталось на месте, да?

Там деваха такая... сочная. Третьекурсница, с третьим размером груди и на бехе тройке. Звезды сошлись, короче.

Проходит еще время, в течение которого алкоголь разлетается по организму со скоростью метеорита. Народ становится веселее, музыка громче и вот мы уже сидим не втроем и даже не на улице, а на диванах посреди гостиной. Гомон стоит такой, что если бы не Dough, Key Glock долбящий ба-сами на весь дом, то моя голова раскололась надвое.

В проходе появляется фигура той самой Тройки. Оглядываю ее с ног до головы, оценивая тонкие ровные ноги, про которые вполне можно сказать: "от ушей". Ну, в принципе и закидывает она их в разные стороны тоже неплохо. Глазами поднимаюсь выше, цепляясь за одну из троек и только после этого перехожу к лицу. И когда наши взгляды пересекаются, на нем тут же расцветает улыбка. О да, я знаю, что означает эта улыбка.

Жду, когда ее тело двинется в мою сторону, но стоит Дине только занести ногу для шага, как она тут же оборачивается назад. Что-то восторженно верещит и только после этого я вижу, как она обнимается с девчонками. В одной из них я узнаю Аленку Михееву – нашу одноклассницу, а вот когда поворачивается вторая... меня перекашивает.

– О, какие люди, – сквозь ржач выдает Артур.

И он делает это с максимальной дозой сарказма, потому что вторая – Аврора Соболева. Тупая сучка Аврора, с которой мы возненавидели друг друга с самой первой пары. Про-

сто, потому что она ебучая зазнайка, имеющая ЧСВ размером с орбиту земли, а я... Я – это я. Тот, кто терпеть не может ЧСВшниц.

– Внимание, внимание! – все еще продолжая ржать Арчи соскакивает с места и голосит, прикладывая руки “трубочкой” ко рту. – Непрístupная крепость в здании!

Соболева смотрит на брата и, кажется, всех окружающих ослепляет блеск белка ее глаз, когда их закатывает.

– Арчи, ты бы постеснялся озвучивать, что твоему брату отказали, – хмыкает она, складывая руки на груди. – Так и до полноценности не далеко.

– А я многое и не потерял, – роняю коротко, даже не глядя на нее и делая очередной глоток рома. – Кожа, кости, полтора метра самоуверенности и паленный Гуччи.

Все же перевожу на нее взгляд, с упоением наблюдая, как всеми любимая Аврора покрывается краской практически алого цвета, а ее ноздри от злости раздуваются так, будто зонт от дождя накрывает.

– Спокойнее, малышка Ро, а то китайские швы на топе разойдутся, – начинаю ржать и вместе со мной оглушительной водной взрываются все остальные.

Все, кроме Авроры и ее извечной блондинистой подружки Алены.

Продолжаю смотреть на нее. Впитывая стеклянные глаза и то, как она одними губами произносит “ну ты и мразь”. А затем разворачивается и вылетает из дома.

– Ты придурок, Смирнов! – рычит Михеева. – Нахрена ты так говоришь, если это ложь!

Не отвечаю ничего. Ведь только я в этом помещении знаю, что нихера это не ложь. А принцесса на самом деле – Золушка...

Глава 3

Аврора

“Унижая других, выше не станешь.”

©Ноунейм

– Козел! – шиплю в темное пространство, кидая гравийный камень вдогонку. – Урод! – еще один. – Сволочь! – сильнее предыдущих кидая последний и сдуваюсь подобно воздушному шару, потому что это был уже третий круг ругательств в сторону Смирнова.

Ну невозможно ведь быть таким придурком! И ведь мелет что первое на ум приходит, а попадает точно в цель. Козел!

Плюхаюсь на скамейку в саду дома Смирновых и смотрю в ночное небо. Как знала, что не нужно было сюда приезжать. Нам с этим оленем лучше вообще держаться подальше, иначе начинается вот это. Словесные баталии и борьба на тему “кто находчивее обидит оппонента”.

– Сволочь... – выдыхаю уже тише.

– Повторяешься, – слышится насмешливый мужской голос, из-за которого я вздрагиваю и начинаю оглядываться по сторонам.

Через пару секунд на освещенный участок выходит Тимоша. Единственный адекватный среди их компашки. Ну или

во всяком случае именно таким и кажется.

– Это не повтор. Это удвоение, – хмыкая, возвращая взгляд в небо.

– И чего вам спокойно не живется? – посмеиваясь спрашивает он, а после садится на лавочку рядом со мной.

– Я его вообще не трогала. И, кстати, начал вообще Артур, – зачем-то оправдываюсь.

– Забей, – глядя на меня выдает Тима.

Я вижу его не полностью, лишь ту часть, что могу разглядеть боковым зрением, но он кажется вполне участливым. В общем-то, как и многие разы до этого. Стоит двум придурокшным братьям вычудить что-то такое, как Тима приходит и начинает убеждать меня, что они не дебилы. Да только вот, увы, не поверю.

– Я и не парюсь, – наконец отрываюсь от созерцания предосенней природы и перевожу взгляд на него. – Просто успокаиваюсь, чтобы не высказать Смирнову все, что думаю о нем.

– Ну и правильно, – кивает, а затем встает, подавая мне руку. – Пошли, там Аленка на припадке вся двигается уже.

Теперь его лицо освещается лучше, ну, либо я просто привыкла к освещению. И вот что забавно: они втроем очень похожи, лишь с мелкими отличиями. Все трое высокие, темноволосые, спортивные. Только Тима, например, выбивается какой-то невесомой аристократичностью. С речью гопоты, иногда, но все же. Вот тот же Артур – классический спортс-

мен. Тупой, быдловатый и не умеющий держать язык за зубами. Ну а про Смирнова и говорить нечего... придурок.

Встаю, не касаясь Тимоши и просто иду рядом с ним, когда он, хмыкнув делает шаг в сторону дома. С ним спокойно. Во всяком случае, не приходится ожидать никакой словесной подачи. Эдакий человек-танк, хоть и разговорчивый временами.

Стоит войти в дом, как мне кажется, что сейчас все вернуться ко мне и начнут смеяться, но этого не происходит, только Алёна подплывает с двумя стаканчиками в руках и стреляет глазами в сторону Тимы. О, извечная ее проблема: она к нему разными сторонами поворачивается, а он ноль внимания.

– Держи, – с нотками досады бормочет, протягивая мне один из стаканов, когда Тимоха уходит.

– Что тут? – заглядываю в него, чтобы рассмотреть содержимое.

– Ни капли алкоголя, все как ты любишь, – хмыкает она и цепляя меня под локоть тащит к небольшому кругу девчонок.

Среди них я замечаю наших одноклассниц – Свету и Лизу; несколько девочек старше нас курсом, а еще... Дину. К которой я хорошо отношусь только на людях. Не, в целом, она неплохая девчонка, но тот факт, что она таскается с Кириллом – меня смущает.

Девочки разговаривают, обсуждая кто и куда ездил на лет-

ние, какие шмотки купили к учебному году и еще куча всяких мелочей, которые обычно крутятся в нашей компании, а я не слушаю, потому что не могу не заметить, что Дина стреляет в меня странным взглядом. Будто пытается разглядеть правда ли то, что сказал Смирнов. И мне хочется закричать: “да, черт, это все чистая правда!”, но я молчу. И если в Аленке я уверена, то во всех остальных – нет. Меня сожрут. Потому что фактически я – мангуст среди гиен.

– Ну говори уже, – фыркаю, закатывая глаза, когда Динара в очередной раз косится на меня.

– Нет, ничего, – пожимает плечами, наигранно отворачиваясь.

– Слушай, Дин, тот факт, что ты раздвигаешь ноги перед Смирновым, не означает, что ты должна слушать всю ересь, которую он несет, – буднично произносит Алёна, на полуслове прерывая свой диалог с остальными девчонками.

– А где доказательства, что он не прав? – вскидывает темную бровь Дина, складывая руки на груди.

– Тебе чеки показать? – Полностью зеркалю ее поведение. – Или хочешь в следующий раз со мной по магазинам сходить?

Изображаю из себя уверенную, обиженную девушку, хотя каждой клеточкой понимаю: если она согласится – мне конец.

– Спасибо, откажусь, – фыркает Дина, а я еле заметно расслабленно выдыхаю.

Не жду больше нападков на свою персону и разворачиваясь на пятках иду на кухню, откуда Алёна приносила мне сок. Собираю в голове все молитвы и проклятия, но если первые направлены только на судьбу, то вторые исключительно на Кирилла. Который, кстати, изучает ротовую полость какой-то девчонки. Очередной. Не Дины. Вот она верещать-то будет. При этом Кир и не думает расставаться с бокалом, очевидно, чего-то алкогольного.

Усмехаюсь тому, как много ему придется выслушать от Динары, предвкушая, как буду злорадствовать и ни капли не удивляюсь, что именно этим снова привлекаю внимание Смирнова.

– Кот снова тебя утешил, и ты с новыми силами вернулась делать вид, что одна из нас? – со смешком выдает он, полностью отлипая от девушки рядом с собой.

– Слушай, Кир, давай не будем начинать? – закатывая глаза говорю, останавливаясь возле него.

Не вижу, скорее ощущаю, как несколько десятков пар глаз уставились на нас, словно мы на ринге и вот-вот начнется бой. Не хватает только Артура, который будет ходить кругами и собирать ставки.

– А мы и не начинаем, – пожимает плечами Смирнов. – Чтобы что-то начать, нужно что-то закончить. А моя неприязнь к тебе бесконечна, Соболева, – на последних словах наклоняется ближе ко мне, обдавая запахом мяты и сладковатым привкусом рома, кажется, даже не замечая, что новый

объект его вожделения в мини юбке, ретировался куда-то в толпу.

– И это взаимно, Смир-нов, – чеканя по слогам отвечаю ему.

Его карие глаза сужаются до размера щелей и прожигают дыру между моих глаз. На каком-то не физическом уровне ощущаю, как он давит на меня. Мне хочется ему двинуть, но вместо этого не поддаюсь на провокации и стою столбом, не показывая, насколько неуютно мне в данный момент. Кажется, даже все вокруг затаили дыхание, а воздух вокруг нас наэлектризован настолько, что стоит пошевелиться и дом разорвет на клочки.

– Знаешь в чем ты прокололась, Соболева? – выпрямляясь смотрит на меня с высоты своего роста, как на неразумного ребенка. А когда понимает, что я не отвечаю, продолжает: – Людям нашего уровня не нужно каждый раз доказывать что-то. Что мы умнее, смышленнее, богаче или просто тупо лучше, – водит рукой с бокалом из стороны в сторону. Медленно, но жидкость все равно равномерно растекается по хрустальным стенкам. – Мы и так это знаем. А вот ты, – тычет все тем же стаканом в меня. – Тебе приходится крутиться.

– Не неси чушь, Кир, – фыркаю, закатывая глаза в очередной раз. Еще десять минут рядом с этим придурком и мои зрачки больше никогда не появятся обратно. – Ты перепил, иди пропись.

Поворачиваюсь чтобы уйти, но в мой локоть цепляется

мужские пальцы, а затем он самодовольным голос шипит:

– Ты знаешь, что я прав, бичужка.

Шарахаюсь от его слов, как от огня. Обидно ли мне? Да. Но волнует меня совсем не это. Начинаю в панике оглядываться, надеясь, что никто этого не слышал, но куда там... все, кто стоит в радиусе нескольких метров слышат это. И смеются на манер своего долбанутого жожака.

– Ты такой придурок... – сглатывая колючий ком говорю тихо, пытаюсь сморгнуть слезы, которые вот-вот вырвутся наружу.

– Зато у меня реально есть деньги. А ты – бижучная идиотка, которой не место в этом мире.

Его слова действуют как стимул. Пинок сбежать отсюда и не видеть всех этих ржущих рож, не слышать их гогот и самое главное – не находиться больше рядом со Смирновым.

Вылетаю из комнаты, а затем и из дома, уносясь за пределы его территории. Больше никогда и ни за что я не пойду к нему на тусовку...

Глава 4

Кирилл

“Праздные мозги — мастерская дьявола.”

©Ноунейм

Распахиваю глаза так резко, что башка утекает отдельно от тела, а легкие вообще выпрыгнули и уходят в обратном направлении. А все потому, что какая-то сука вылила целое ведро ледяной воды на мою голову.

– Какого хера?! – рычу, мотая головой, хотя глаза наотрез отказываются открываться, оставляя лишь узкие щелки.

– Доброе утро, Ваше Величество, – перед моим лицом появляется недовольное отцовское.

Даже не недовольное... он в ярости, в бешенстве, в шаге от того, чтобы вцепиться в меня зубами.

– Доброе утро, пап, – фыркаю, вытирая лицо руками. – Можно было просто толкнуть, зачем так радикально.

– Зачем?! – ревет уже не просто громко, а оглушительно. – Затем что ты, долбоящер, спишь на полу гостиной!

– Да мы с парнями посидели немного, – стряхиваю с головы капли воды. – Засиделись.

– С парнями? – переспрашивает со смешком. – Кто из них Артур, а кто Тимофей?

И только сейчас мои глаза распахиваются шире, чтобы заметить Дину, лежащую в метре от меня с торчащей из-под какой-то простыни жопой в одних трусах, а в другом углу еще какая-то дева с цветом волос напоминающим калл единорога.

– Бля-я-я... – тяну, потирая шею. – Ну ладно, не с парнями. Были еще и девочки.

– Много, очевидно, – рычит, с психом пиная бутылку. – Дохера, я бы сказал!

– Паш, не нервничай, – слышится со стороны голос Марины, из-за чего я облегченно выдыхаю: уж она-то его успокоит.

– Не лезь! – рывкает отец на нее и в этот момент телки наконец открывают глаза.

Оглядывают батю ошарашенным взглядом, а затем натягивая те крупницы ткани, что на них лежат, сваливают в закат даже не прощаясь.

Хоть убейте, я не помню, как мы все оказались на полу и почему их двое возле меня.

– Ты, щенок, не поддаешься никакой дрессировке! – продолжает на повышенных отец. – Только и знаешь, как пить, трахать все что движется и тащить это безобразие в дом. Я лишу тебя всего. Ты понял?! Всего! Останешься с голой задницей и спать будешь на крыльце! Под теми сраными простынями, которые утащили эти девки! – надрывая глотку вопит.

– Паша, не перегибай, – мурлычет Марина, а после спотыкается о какую-то хрень, которая звенит непростительно громко.

– Па, да я не знаю, как они возле меня оказались! – вскакиваю на ноги несмотря на рокот в башке. – Я просто перепил и уснул. А эти... – машу в ту сторону, куда свалили шкуры. – Бля, пап, да у меня вообще девушка есть.

– О, не сомневаюсь. И больше, чем уверен, что один в один похожая на этих, – раздраженно пинает подушку.

– Да не, она нормальная, – давлю тупую улыбку.

– А можно потише? – слишком внезапно стонет Артур откуда-то из-за дивана.

– Артур! – верещит Марина, получая еще порцию стонов от сына.

– Вы оба, – батя подходит, ближе тыча пальцем в мою, почему-то голую, грудь. – Наведете порядок, чтобы здесь еще до обеда все блестело, как очко у гендира. Потом ты, – вдавливая палец в мое плечо, вынуждая поморщиться, – идешь со мной на пресс-конференцию. А в конце недели я жду твою девушку на ужин.

И на завершение, разворачиваясь пинает стопку одноразовых бокалов, после уходя к лестнице.

– И, если с моей картиной что-то случилось, я пушу твоё хозяйство на “музыку ветра”! – не оборачиваясь добавляет рывкая.

Стоит фигуре отца скрыться – протяжно выдыхаю. Толь-

ко сейчас понимаю, что задержал дыхание и даже не скажу почему. Чтобы не злить его еще больше запахом перегара или просто очковал вставить хоть звук.

– Я разочарована вами, мальчики, – качая головой ворчит Марина.

Плюхаюсь на застеленный диван и резко с него же подрываюсь, когда он начинает подо мной шевелиться.

– Сука, ну ты и туша! – из-под покрывала показывается голова Кота.

– Ты с обстановкой что ли слился? Какого хера я тебя не увидел? – ржу, останавливая бешено колотящееся сердце.

– Не, просто кто-то разорвал обивку, а я провалился в дыру, – Тимоха встает, практически не открывая глаза и по-прежнему закутанный в плед.

Стоим, смотрим с Мариной на дыру, из которой торчат куски синтепона. Мачеха накрывает рот ладонью и что-то бормочет. Не слышу, что конкретно, но думаю, что это маты. Потому что этот диван она сама лично выбирала в каком-то, до пиздючек модном, доме мебели в Италии.

– Марин, отвечаю, я понятия не имею, как это вышло, – поднимаю руки ладонями вверх и делаю шаг назад. Подальше от нее.

Слышу, как Кот сменил место лежания и теперь полусопит на кресле.

– Поднимай этот шкаф, который только и умеет, что разговаривать, жрать и тренироваться и выносите нахрен этот

диван в домик охраны, пока Паша не увидел, – Марина рычит похлеще бати, опасно медленно приближаясь ко мне. – И, если ваша пиздобратья еще хоть раз коснется моей мебели, я сделаю из вас чучела и поставлю их в саду. Понял?!

– Да че вы на меня-то покушаетесь?! – всплескиваю руками. – Я тут не один вообще-то был!

– Мне похрен, я спал примерно с полуночи, – бормочет Кот.

– А я один хрен ничего не помню, – стонет все так же из-за дивана Артур.

Марина пышет злобой, глядя своими, такими же как у Арчи, голубыми глазами. Ее ноздри буквально раздуваются до размера орбиты земли, но затем она глубоко вздыхает, протяжно выдыхает, прикрывая веки, а после и вовсе разворачивается, мотнув напоследок темной гривой и уходит.

Снова падаю на диван, больно ударяясь задницей о дерево. Шиплю от негодования.

– Какого хера тут вчера вообще творилось? – спрашиваю в пространство, откидываясь на спинку дивана.

– Обычная пятница, – хмыкает Кот не открывая глаз.

– Мне больше интересно: какую телку ты приведешь к бате на ужин? – башка Артура появляется возле моего лица.

Самому, блять, хотелось бы знать!

Глава 5

Аврора

“Чтобы выиграть, вы должны поверить, что этого достойны.”

©*Майк Дитка*

– Забей, Ро, ты ведь знаешь, что у Смирнова язык без костей, – щебечет Алёнка, цепляя меня под локоть и утаскивая в очередной Мега дорогуший бутик.

Я свалила со вчерашней тусы, не дожидаясь, когда на меня выльется ещё тонна помоев. И ведь эта сволочь даже не догадывается, как метко бьёт!

Алёнка уехала следом за мной и как потом выяснилось – она хотела меня догнать, но мой “водитель” носится как сумасшедший, раз так быстро забрал меня. Промолчу про то, что мне пришлось топтать пешком шесть километров, чтобы на остаток дороги мне хватило денег.

Обычно мы с Лёней – Алёной – уезжаем на такси, и так как она живёт ближе, то сначала завозим её. Машину всегда вызываю я, чтобы она не видела моего настоящего адреса и, если честно... я задолбалась. Просто дико устала врать ей, а ведь она хорошая – сама познакомилась со мной в начале курса, без пафоса и наманикюренных красных ноготков.

Ноль процента выпендрёжа. Иногда я всерьёз задумываюсь о том, чтобы рассказать ей всё как есть. Почему-то кажется, что она поймёт, почему я поступила именно так. Но каждый раз меня что-то останавливает, и что именно – я не могу объяснить. Просто язык не поворачивается. Считаю, она заслуживает знать правду, в конце концов, она моя лучшая подруга. А ещё светлый и чистый человек. Несмотря на то что её отец — владелец крупной сети риелторских услуг. Их фамилия на слуху и любят её так же, как и ненавидят, в общем-то.

Сейчас же она вытащила меня на шопинг. По факту шопится только она, потому что моих финансов хватит разве что на чашку кофе, но и то – не факт.

Огромный торговый центр слепит своими лампами и люстрами, а народ снуёт туда-сюда, как муравьи. Обычная ситуация в преддверии учебного года.

– Ты не понимаешь, Алён, – выдыхаю, прислоняясь спиной к стене и протяжно выдыхаю, запрокидывая голову. – Он меня бесит. Очень. Слишком, – сама усмехаюсь тому, что внутри все органы от ненависти подсакивают, стоит только вспомнить его наглые карие глаза и вечно довольную улыбку. – Мне кажется, что во мне вторая личность появляется, как только его рожа на горизонте светит. Прямо до трясучки хочется, как в первом классе укусить его за руку или куда-нибудь, чтобы было очень больно.

– Я заметила, – хихикает подруга, вытаскивая свою свет-

люю голову из-за занавески примерочной. – Вы как кошка с собакой, ещё с прошлого первого сентября.

– Ага, – хмыкаю, поворачиваясь к Лёне. – И я не знаю, как мы к этому пришли, но что есть, то есть.

Подруга снова выдаёт смешок и опять прячется в примерочной. Несколько минут стоит тишина, только шуршание одежды и её пыхтение, а затем штора распахивается и моему взору показывается она. В клетчатой красно-чёрной юбке, идеальной белой рубашке, что сидит на её ведьминской тонкой талии как влитая и главное – с широкой улыбкой на губах.

– Скажи же это просто пушка-бомба? – с немного безумным блеском в глазах лепечет, и я уже знаю, что она скажет дальше. – Если в этом году Котляров не обратит на меня внимание – я взорвусь.

– А ты не можешь просто поговорить с Тимохой? – смеюсь над своей осведомлённостью и еле сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть фразу: “Я так и знала!”. – Он нормальный... в отличие от Бибы и Бобы, – морщусь, вновь ощущая растекающуюся по венам злость.

И вот так всегда, стоит мне подумать о Смирнове. Не то, чтобы я прям часто о нём думаю, но как иначе, когда разговор идёт о нём?

– Я пыталась, – Алёна грустно опускает взгляд, а затем разворачивается к зеркалу в примерочной, расправляя несуществующие складки на рубашке. – У меня постоянно такой

вид, будто я букашка на его коленке. Бешу, раздражаю, но руки марать он не хочет.

– Тебе кажется, – отмахиваюсь. – Ну раз ты выбрала, то давай уже поедem домой. Я устала, хочу спать.

“И мне на работу через несколько часов”, – добавляю мысленно, но вслух не транслирую.

Михеева переодевается обратно, вылетает из раздевалки и даёт ещё круг почёта по бутику, сгребая в свои руки пару вешалок, сумок и несколько пар обуви. Мы опять проходим обряд примерки и только спустя полчаса, наконец, покидаем этот злополучный магазин и ценниками, как номер телефона.

За год с небольшим я научилась держать лицо и не удивляться, видя такие цены. На самом деле, покерфейс я научилась выдерживать ещё в тот момент, когда приехал юрист и отдал бумагу от матери. Там цифра тоже была впечатляющая, и, чтобы не привлекать внимания отчима – я сделала вид, что мне от мамы досталась пара тапочек. А затем вытолкала бедного мужичка в подъезд и выбила из него информацию, откуда у моей матушки столько денег. Он сначала мялся, но затем рассказал, что у мамы была квартира её родителей, о которой она не говорила Мише и когда узнала о раке – продала её также без его ведома. А деньги она завещала мне на окончание школы. Будто знала, что я пушу их на учёбу.

Сложнее было скрыть бедность при поступлении, но как выяснилось, когда управление видят хорошие отметки и

сумму, которая капает сразу за четыре года обучения, то у них не возникает вопросов. Вообще. Всем плевать, потому что бабки решают.

Я всё ещё скучаю по маме... безумно сильно, несмотря на то, что она погибла пять лет назад. До сих пор каждое её упоминание или воспоминание о ней скребёт ножом по сердцу.

Пока идём по ТЦ, Алёна не перестаёт щебетать о Тиме, а я летаю вообще в своём пространстве, и только когда мы натыкаемся на шумную толпу – прихожу в себя. Лёня уже с интересом разглядывает собравшихся, вытягивая шею.

– Знаешь, – вдруг говорит, не переставая сканировать людей, чтобы понять, что происходит и почему здесь такая толпа. – Вам бы и с Кириллом поговорить, чтобы уже перестать грызть друг друга. В конце концов, ещё целых три года вместе учиться.

– Да плевать мне на него, – закатываю глаза.

Но быстро раскатываю обратно, когда слышится громкий мужской голос. Уверенный, статный. Поднимаю голову выше, наблюдая, как широкоплечий мужчина с редкой проседью в тёмных волосах говорит что-то, стоя за стойкой диктора. Перед ним небольшой микрофон, сотни камер фотографируют его, а он при этом, будто не замечает этого.

– Ты знаешь, кто это? – шепчет мне на ухо Алёна.

– Понятия не имею, – отвечаю, продолжая заворожённо слушать внушающую речь мужчины.

– Павел Смирнов, – также тихо говорит, из-за чего меня пробирает осязаемая и очевидная дрожь. – Да-да, это отец Кирилла. Иногда мне кажется, что ты не с этой планеты, – добавляет, хихикая.

Теперь мой взгляд на мужчину изменился и появляется лишь один вопрос: как у такого уравновешенного мужчины, мог получиться так долбанутый сын?

Я знала, что их семья владеет практически всеми крупными ТЦ города и ещё десятком дорогой недвижимости, но честно, не думала, что бывают вот такие конференции. Интересно, а по какому поводу?

– И я хочу официально объявить, что с будущего года часть Торговых центров перейдёт в руки моего сына, – с лёгкой улыбкой отвечает на мой вопрос отец Смирнова.

И тут, словно солнце из-за туч, выплывает Кирилл. Всё с той же наглой рожей, в чёрной толстовке, будто не на конференцию пришёл, а просто прогуляться вышел.

Смотрю на него. Предмет моей ненависти, номер один. И быстрее, чем успеваю подумать, иду в его сторону. Не обращаю внимание на полушипение подруги за своей спиной, которая, очевидно, пытается меня остановить.

Смирнов что-то вещает в микрофон за стойкой, пока его также фотографируют сотни камер. На лице, как обычно, самодовольная улыбка, которая ещё больше разжигает меня.

За несколько секунд оказываюсь рядом и, не обращая внимания на недовольное бурчание какого-то мужика, хватаю

Кирилла за грудки, разворачивая к себе. Впиваюсь своими губами в его. Настойчиво. Так, что у него нет шанса вырваться. Да он и не пытается, видимо, так же шокирован этим, как и я.

– С-с-сучка, – шипит в мои губы, а когда отстраняется, практически беззвучно добавляет: – Ты пожалеешь об этом.

Ничего не отвечаю, лишь ухмыляюсь. Снаружи. Внутри горит пожар от смеси страха и непонимания. И зачем я вообще это сделала?

Моргаю пару раз, а затем бросаю короткий взгляд на его офигевшего отца и такого же ошарашенного мужика. Лучезарно улыбаюсь им и только после этого сваливаю оттуда со скоростью света, по пути цепляя Алёнку за локоть.

– Ты больная! – взрывается смехом подруга, как только мы отходим на приличное расстояние. – Зачем ты это сделала?

– Понятия не имею, – отвечаю дрожащим голосом, вытирая вспотевшие ладони о ткань джинс. – Просто мне кажется, что ему не очень понравится, если его фотки с поцелуем “бичужки”, будут везде.

Алёна с новой силой начинает хохотать и очень довольно кивать.

– Горжусь тобой, подруга, – сквозь слёзы смеха выдаёт она.

И я бы, может, возгордилась, если бы не чувствовала – последствия у этого ещё будут.

Глава 6

Кирилл

“Самое важное в жизни — это научиться принимать вещи,
которые не можешь изменить.”

©[Жан-Клод-Ван-Дамм](#)

Когда белобрисая макушка скрывается с поля зрения, мои зубы автоматически сжимаются до хруста. Отчасти ещё и из-за того, что я слышу пыхтение своего отца за моей спиной. Даже оборачиваться не хочу, зная, что увижу, если сделаю это: недовольное лицо и до пиздючек дикий взгляд.

У самого в голове пульсирует от желания догнать Соболеву и отыгаться за эту тупую выходку, но все силы уходят на то, чтобы остановить себя и прогнать подальше аромат карамели. Ну хоть парфюм купила дорогой...

Разворачиваюсь обратно к журналистам, с тупой ухмылкой на губах бормочу что-то насчёт того, как мне неловко за эту ситуацию, и полный гордости объявляю, как приятно, что наконец мне доверили часть бизнеса. Пару слов в отступление о том, какой я ответственный и так далее по списку.

И вот вроде разговариваю с ними, а перед глазами стоит довольная рожа Авроры. Долбанутая ухмылка на её губах и

полные ужаса голубые глаза. Очевидно, эта ведьма сама не ведала, что творит.

Подобно чайкам журналисты начинают по очереди выкрикивать вопросы, как только я замолкаю, но меня тактично заводит за спину наш PR-директор. Только оказавшись плечом к плечу около отца, он позволяет себе наклониться и зашипеть мне в ухо.

– Я жду объяснений. Не думай, что тебе это сойдёт с рук. Ну да, мне пиздец.

Теперь уже очевидно. И если закрытую вечеринку, последствия которой видели только он и Марина, ещё можно было бы как-то забыть, то показательное выступление Соболевой – нет. Эта чёртова нищенка загнала меня в такую жопу, из которой мне не выбраться...

Всю дорогу до дома отец молчит только потому, что пиарщик сидит рядом, но стоит нам оказаться дома и без Василия в лице моего щита, батю прорывает:

– Ты, блять, издеваешься надо мной, да?! – орёт разъярённо. – И полдня не прошло, с того момента, как ты доказывал свою пушистость!

Подобно ребёнку перебираю в голове варианты отмазы, но всё, что приходит на ум: “я не виноват, меня подставили”. И ведь это же, сука, правда! Однако сказать так бате – равносильно, что нагнать на себя добровольно шторм.

– Ты хотел познакомиться с моей девушкой, – наигранно расслабленно жму плечами, убирая руки в карманы джинс.

– Получилось чуть раньше, чем в конце недели.

Батя, который до этого момента пылал подобно факелу, вдруг затихает. По-моему, даже дышит реже. В его взгляде застывает недоверие вперемишку с удовлетворением. Неужели эта Ведьма ему понравилась? Чем? Наглостью? Не стал бы батя заценивать её жопу, да ведь?

– И как её зовут? – спрашивает, вскидывая бровь, зная, что моё слабое место – имена девушек.

У них всегда есть прозвище, но имя... не помещается в моей голове. Очень редко. И, к моему сожалению, Соболева входит в эту редкую категорию.

– Аврора, – стараюсь убрать из голоса весь яд, но получается так себе. Хотя, вроде, папане хватает, чтобы окончательно успокоиться.

– Второе сентября, вечер пятницы, – обозначает он без продолжения, но мне и не надо, чтобы понять, для чего он это говорит.

А затем разворачивается и уходит, практически пританцовывая. И мне не совсем ясно: он рад тому, что у меня реально есть “девушка” или осознаёт, в какую ловушку меня только что поймал?

Зажмуриваюсь, сжимая пальцы на переносице и с усилием, тру. Хочется забыть всё это как страшный сон и сделать вид, что я только что не назвал Соболеву своей девушкой, но будто обухом бьёт голос брата, возвращая в печальную реальность:

– Вот это кадр, Кир! – ржёт, подлетая со спины и тут же виснет на моём плече, тыча в нос смарт.

Мне не надо смотреть, чтобы понять, что я там увижу, но я всё равно перевожу взгляд. И прям зубы сводит с новой силой, когда я со стороны вижу, как эта сучка своими ветками держит меня за ткань толстовки и впивается своими губами в мои.

Злобно отодвигаю руку брата, чтобы не видеть этот позор, и протяжно выдыхая, выхожу из дома. Останавливаюсь на крыльце, упираясь локтями в перила, и смотрю вдаль. Возможно, в любой другой ситуации эта картина показалась бы милой или романтической, но если знать, сколько во мне плещется желания прибить одну занозу... Так много, что даже некурящий я, захотел покурить.

– Я уже жалею, что не поехал с вами, – всё ещё на приколе Арчи вываливает следом и встаёт рядом.

– Поверь, ты бы не захотел чувствовать эту атмосферу, – усмехаюсь.

– Папаня в ярости?

– Ещё как, – хмыкаю. А затем решаю, что от брата нет смысла скрывать правду, и добавляю: – Мне пришлось сказать, что она и есть моя девушка.

Артур, который только что достал сигарету, вдруг вдыхает воздух так резко, что складывается впечатление, будто она ему вот-вот по самые гланды залетит.

– Ты долбан? – часто моргая, роняет.

– А у меня был выбор? Эта долбанушка всосала меня перед отцом, пиарщиками и сотнями камер, – раздражённо передёргиваю плечами, указывая на его карман, где лежит смарт. – Даже ты это уже видел.

– Так это в чате группы, – со смешком выдаёт, прикуривая.

– Пиз... – снова выдыхаю и отворачиваюсь от брата. – Блять, Дина...

– О да, уверен – она в ярости.

– Да похер мне на её ярость, – закатываю глаза. – Главное – чтобы не испортила всё своими припадками.

– Ты реально собираешься продолжать этот фарс? – спрашивает Арчи, глядя на то, как я достаю телефон.

Открываю контакт “Три тройки” и печатаю короткое:

Я: Не пиши. Не звони. И тем более не приезжай. В универе делай максимально обиженный вид.

ТТ: Да пошёл ты нахрен!

Мгновенно прилетает ответ, вызывая мой смех.

Какие нежные, одноразовые нынче пошли.

– И чё дальше? – докуривая и бросая бычёк, вновь докапывается Артур.

– Дальше? Завтра я вцеплю Соболеву, и пусть ей помогут все, кто может, чтобы я её не прибил.

Глава 7

Аврора

”В середине трудности кроется возможность.”

©Альберт Эйнштейн

Я уже почти возле дома, а руки всё ещё безбожно трясутся. Ведь до меня дошло, что же я натворила, только через полчаса.

Алёнка захотела ещё пройтись по магазинам, но я отказалась наотрез. Меня не покидало чувство, что Смирнов вырулит из-за угла в любой момент и прихлопнет меня как букашку. И именно поэтому я поспешила свалить.

А осознание реальной глупости догоняет меня, только когда я переступаю порог квартиры и натываюсь на – на удивление – трезвого Мишу. Он по обыкновению в домашних трениках и заляпанной футболке, но судя по разглаженному лицу, совсем недавно вернулся с подработки. Хотя морщинистые мешки под глазами ему всё же не удалось разгладить. Да и вряд ли получится. Только если утюгом.

– Ни за что не поверишь, что я увидел по телевизору, – мерзко усмехается, а я понимаю, что за этим последует какая-нибудь дичь.

– Удиви, – хмыкая, скидывая кроссовки, и тут же беру их в охапку, чтобы отнести в комнату и отмыть.

– Как моя дорогая дочурка вылизывается с нахохленным мажором, – его улыбка становится похожа на оскал.

Замираю, так и не сделав шаг дальше.

Чёрт! Чёрт-чёрт-чёрт!

Хочется выть от негодования, но вместо этого делаю вид, что мне всё равно.

– Ну, во-первых, я не твоя дочь, – бросаю презрительно, вспоминая, как этот неандерталец таскал меня за волосы по полу, стоило не дать ему денег на бутылку. – А, во-вторых, это не твоё дело.

И вот вроде получается сказать уверенно, а желудок всё равно к позвоночнику от страха приклеивается.

Миша делает вкрадчивый шаг ко мне, я осторожный от него, плотнее прижимая к груди кроссы.

– Не зазнавайся, девчонка. Ты ещё здесь только потому, что твоя мать перед смертью умоляла за тобой присмотреть, – рычит, продолжая надвигаться. Я пыхчу до тех пор, пока не врезаюсь бёдрами в полку, на которой от удара качается фоторамка с характерным звуком. – Где ты шароебилась?

– Завтра учёба начинается, я покупала вещи, – сиплю, не отводя взгляда, чтобы не пропустить вспышку его гнева.

Он всегда делает так: сначала загоняет в угол, а затем распускает руки. И если лет до пятнадцати я просто принимала этот факт, то после – научилась уворачиваться. Примерно в

то же время на двери в моей комнате появились замки. Три штуки.

– Денег дохера? – скалится, оглядывая меня с ног до головы. – Хотя зачем я спрашиваю. Раз толкаешь язык в рот такому зажратому щенку, значит дохера. Давай сюда, – протягивает руку ладонью вверх.

– Но у меня ничего нет, – давлю сквозь ком обиды и страха, который плотно встал в горле.

И отчасти я говорю правду: у меня остались деньги только на такси до работы сегодня и всё. И то, я бы поехала на автобусе, если бы не поздняя смена. Остаётся только надеяться, что будут чаевые и на дорогу до дома наберётся. А ещё и на завтра в универ. Эта тусовка с тратами на неё сожрала мои последние запасы.

Миша в мгновение оказывается совсем близко, обдавая мои рецепторы запахом вчерашнего перегара, от которого меня тут же начинает мутить, рывком укладывает свою лапищу на мою шею сзади и сжимает пальцы. Скулю, мысленно ругая саму себя, за то, что всё же пропустила вспышку, но отворачиваюсь, когда его дыхание приближается вплотную.

– Я знаю, что у тебя сегодня смена и если ты не принесёшь мне денег, то будешь спать в подъезде, поняла? – рычит.

Закусываю губы, зажмуриваюсь, в попытке прогнать слёзы, предательски скопившиеся в глазах, и быстро киваю.

Я знаю, что он выполнит обещание. Всегда выполнял. И для соседей уже не предмет обсуждения тот факт, что я сплю

сядя на полу возле нашей входной двери.

Каждый раз успокаиваю себя мыслями, что нужно чуть-чуть потерпеть. Буквально до окончания универа. Я просто физически не потяну работу в таком количестве, чтобы денег с неё хватало на оплату съёма.

Миша рывком отпускает меня, из-за чего в висках простреливает, а затем разворачивается и уходит, падая на диван, напротив телевизора. Так, словно ничего не произошло. А я снова крадусь в свою комнату и только когда закрываю дверь на все засовы, опираясь на неё спиной, позволяю себе выдохнуть.

Вместе с воздухом вырываются и рыдания. Я ненавижу это чувство – беспомощности, безысходности и состояния, словно по мне потоптались. Тем не менее испытываю его уже второй день, а весь триумф от пакости, сделанной Смирнову, разлетается в пыль. В груди щемит от обиды и фантомной боли, которая до сих пор держится на коже шеи, так что я даже не реагирую на пикирование телефона. Просто беззвучно плачу, откидывая в сторону кроссовки и сползая по дверному полотну на пол.

Когда слёзы утихают, остаётся лишь послевкусие соли на губах и ощущения, будто весь мир против меня. Но мама всегда учила меня улыбаться трудностям. Мол, так они точно перестанут тебя настигать. Ей не помогло...

Тянусь к карману, достаю из него смарт, главный экран которого просто завален сообщениями от Алёны. Открываю

наш диалог и на каждом следующем прочтении сообщении, моя челюсть отвисает всё ниже.

Алёнка: Ро, это жопа...

Алёнка: Если ты увидишь мои сообщения раньше, чем зайдёшь в чат группы, то знай – не заходи туда.

Алёнка: Кажется, сарафанное радио научилось работать быстрее.

И, кажется, мне даже не надо заходить в общий чат, чтобы понять, что я там увижу, но я всё равно его открываю. А там... Как я и думала – фотка, где я целую Смирнова. Смачно, сочно, так, словно мы лет пять уже вместе.

Чёрт, не думала, что со стороны это выглядело именно так...

Но что интересно – Кир никак это не комментирует. И тут два варианта: либо он ещё не видел, либо... мне крышка. И почему-то от стойкого предчувствия треша аж чешется между лопаток.

Глава 8

Кирилл

“Всё, что с тобой происходит, является следствием одной причины, и этой причиной являешься только ты сам.”

©Джонатан Закарин

– Даже не знаю, хочу ли я действительно узнать, как это произошло, – слышится голос Тимы в трубке моего смартфона, который раздаётся на полной громкости по салону Гелика.

– Кот, хоть ты мозги не делай, – раздражённо отмахиваюсь, пока Арчи ржёт на пассажирском. – Одного хватает, который со вчерашнего дня подъёбывает.

– Так и я бы вчера начал, но меня маман отвлекла, – хмыкает в ответ, а затем слышатся голоса.

Много голосов и в основном такие визгливые, что сомнений не остаётся – рядом перваки.

– Есть там норм первачки? – бросает Артур, глядя в чёрный экран.

– Они тут будто из монастыря все вышли, – брезгливо роняет Кот.

– Ниче, испортим, – усмехается брат.

– Твоей “портилки” тут не хватит, – подстёгивает Тим, на

что я закатываю глаза, уже понимая к чему всё идёт. Спор. Как и каждый год, начиная с десятого класса.

– Через десять минут будем. Жди, – воодушевлено тарактит Арчи и сам обрывает вызов. А затем поворачивается ко мне и говорит с такой широкой улыбкой, что я вижу её слишком отчётливо, даже боковым зрением: – Ну чё, занятой, ты в этом году не участвуешь?

– Ну если вы пообещаете не выносить весь интим на обзор всему универу, то могу. Ты же ещё помнишь, что наш Декан хороший знакомый бати?

– Бля, нет, – хмурится, но всего на секунду в следующую он расцветает ещё ярче. – Тогда без тебя.

– Тогда я сам найду тебе жертву, – скалю зубы, получая в ответ одобрительный смешок.

И правда, ровно через десять минут я уже паркую тачку у обочины универа, а Кот всё ещё стоит у ворот и расцветает в язвительной лыбе, как только мы выходим из машины.

– Ты хоть представляешь, сколько вариантов себе обломал одной фоткой? – спрашивает, протягивая руку для приветствия.

– Чисто технически фоток было дохулион, – отвечает за меня Арчи и тоже здоровается с Тимом.

– Ну зато чисто физически хватило одной, чтобы каждая вторая, кто сегодня проходил мимо меня, обсуждали это, – со смешком парирует Кот.

Прикрываю глаза, забиваю лёгкие кислородом и всеми си-

лами стараюсь не взорваться. Мне ещё вчера понадобилось очень много усилий, чтобы не сорваться, не узнать адрес Соболевой и не наведаться к ней в гости. Только Артур спас её от этого моего шага.

– Ну, может, мне хоть кто-нибудь расскажет, что это было? – неугомонно спрашивает Тим, как только мы начинаем идти в сторону небольшого пятачка под деревьями.

Там наше “лобное место“. Ну или курилка – в обычные дни. Сегодня-то точно нет, ведь оттуда открывается идеальный вид на всю линейку и собравшихся на ней.

– Соболева решила взять реванш, – отвечает за меня Артур.

– Ну так я бы тоже взял, если бы мне такое пизданули, – хмыкает Кот.

– Да мы все в курсе по кому растекаются твои слюни, – усмехаюсь, глядя на него, но он даже не реагирует. Только плечами пожимает, как бы говоря: а я и не скрывал.

– Так, ладно, это всё очень интересно, – Артур вклинивается между нами и разворачивает нас к толпе перваков. – Давайте не будем нарушать традицию, – почти подпрыгивает на месте от нетерпения.

Веду глазами по всем, но ничего примечательного не наблюдаю. Всё как и сказал Кот – выглядят так, словно из монастыря сбежали. Слишком забитые, скучные, однотипные... все кроме одной, за которую цепляется внимание.

– Она, – указываю пальцем на невысокую худую блондин-

ку с уверенным взглядом и двумя нелепыми хвостиками.

– Артур её сломает, – со смешком комментирует Тима.

– Тем интереснее, – сушит зубы Арчи.

И на этом я теряю интерес к происходящему.

Соболева. Мне нужна эта дрянь, которая будто знала, в какой момент вставлять палки в мои колёса. Если честно, я уверен, что придушу её, как только увижу. Вот прям на все сто процентов. И, пожалуй, единственное, что её спасает – она нужна, чтобы прикрыть мой зад перед отцом.

Сканирую пространство взглядом, уверенный в том, что рано или поздно эта мелкая сучка появится. И да, оказываюсь прав: через пару секунд из-за угла выруливает Соболева в сопровождении своей псевдокомпашки, в составе которой Алёнка и Валя, а у меня от одного её вида шторы закрываются. Настолько, что уже даже не обращаю внимания на спор пацанов.

Срываюсь с места, пружиню танком на одноклассниц, и когда подхожу, а Аврора поворачивается – слышу её писк. Глаза распахиваются, как две пропасти, и в них видно, насколько она ожидала и не ожидала одновременно, меня увидеть.

О да, эта заноза знала, что её ждёт...

– Пошли со мной, – рывком, цепляясь пальцами за её локоть, и с силой, дёргаю за собой.

– Смирнов, отпусти меня! – шипит эта змея, но я её тупо игнорирую, утаскивая за собой.

Не замечая других студентов, заваливаюсь в универ, прак-

тически расталкивая всех, кто мешается на моём пути.

Знаю, что на первом этаже есть лаба, где никто не обучается, и стремительно несусь туда, волоча за собой эту чокнутую.

Заталкиваю её внутрь, закрывая дверь за своей спиной на замок и, обернувшись, смотрю на её лицо, залитое страхом.

– Что бы ты ни придумал – передумай, – дрожащим голосом выставляет вперёд указательный палец.

– О, тебе лучше не знать моих мыслей, Золушка. Я и сам их боюсь, после того, что ты устроила, – тяну с хищной ухмылкой, надвигаясь на неё. – Ты мне должна, Соболева. И я намерен забрать этот долг сполна.

– Ещё чего, – хмыкает она, но не перестаёт отходить короткими шагами и нервно оглядываться. – Ты первый начал.

– Я влип из-за тебя. По-крупному. А теперь хочешь ты или нет, но для всех ты – моя девушка, – рычу, настигая её в два шага и, цепляясь за её запястье, всё же дёргаю хрупкую тушку на себя.

Ожидаю какой угодно реакции, но не взрывной волны смеха. Почти истеричной. А когда до этой тупой доходит, что я не шучу, она резко замолкает.

– Не-а, – тянет, мотая головой. – Только через мой труп.

– Поверь, Соболева, ещё немного и этот самый труп будет, – наклоняюсь ещё ближе, оказываясь нос к носу с ней. Рецепторы тут же обволакивает аромат карамели и вызывает во мне приступ отвращения. Хочется верить, что это все же

духи, а не дешёвые конфетки из “Копейки”.

– Отвали, – её голос надламывается, когда она пытается меня оттолкнуть, но я продолжаю стоять, гипнотизируя её голубые зрачки. – Уйди, Кир. Не буду я твоей девушкой. Ни для кого. Никогда. Ни за что, – цедит сквозь зубы, предпринимая новые попытки меня оттолкнуть.

И раз на десятый я не выдерживаю – перехватываю обе её руки, удерживаю, фиксируя их между нами. А затем еле-еле голосом произношу так медленно, чтобы до неё с первого раза дошло каждое слово:

– Будешь, Аврора, а иначе весь универ узнает, что наша драгоценная принцесса, на самом деле Золушка, подрабатывающая в забегаловке на окраине города.

Её глаза, что были широкими от страха всего секунду назад, наконец расширяются ещё больше, но уже от осознания – я знаю её маленький секрет.

– Откуда?... – шепчет еле слышно практически одними губами.

– Неважно, Ро, – усмехаюсь, радуясь, что наконец мне действительно пригодилось это знание. – Важно лишь то, что сейчас ты выйдешь отсюда в моём сопровождении, будешь улыбаться всем вокруг и делать вид, что мы безумно счастливы. А весь остальной план действий, я распишу тебе потом.

Соболева смотрит на меня, будто впервые видит. Я буквально слышу, как шестерёнки в её голове крутятся и пыта-

ются придумать выход из этой ситуации, но его нет.

– Ты сама виновата, Соболева. В следующий раз будешь думать, прежде чем делать.

Глава 9

Аврора

“Жестокую истину труднее всего принять.”

©Джордж Мартин, Джордж Р.Р. Мартин. Игра престолов

В голове пойманной птицей колышется мысль, что он блефует. Смирнов просто не может знать таких вещей, потому что я специально искала работу там, куда мажориков не занесёт! Но весь его вид говорит, что я ошибаюсь. Наглая ухмылка на пухлых губах, хищный блеск в карих глазах и абсолютно ровное дыхание. Он даже злиться перестал, потому что почувствовал собственное превосходство!

Урод!

Но неужели всё так плохо, что он решил действовать настолько радикально? А если его семья захочет меня пробить? Да всё вскроется ещё до того, как я пискнуть успею!

– Кир, давай придумаем другой выход, а? Скажем твоему отцу, что я... не знаю, умственно отсталая, – скулю жалобно, глядя на него.

А он, кстати, не планирует отходить, походу! Так и стоит, нависая надо мной, отбирая у меня и без того последние крохи свежего воздуха.

– Он и так это поймёт, когда пообщается с тобой ра-

зок-другой, – фыркает, вызывая этим мою злость, но её я за-
талкиваю подальше, чтобы не нагнетать ситуацию.

Не, мне абсолютно всё равно на его душевное равновесие.
Я просто ищу способы спасти свой зад. Раз за разом переби-
раю варианты, как из этого выпутаться, но кроме скуления и
мольбы меня простить больше ничего в голову не приходит.

Только вот хрен я дам ему повод в очередной раз почув-
ствовать своё превосходство.

– Смирнов ну это не смешно, – упираюсь ладонями в его
грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он словно к полу прирос. –
Какая из нас пара? Мы на первой же семейной встрече по-
дерёмся.

– О, теперь ты решила подумать об этом? – вскидывает
бровь. – Не кажется, что ты поздно опомнилась?

– Да блин! – взрываюсь, цепляясь пальцами в ткань его
белоснежной футболки, и сжимаю. – Ты первый начал! Ты,
не я.

Кир открывает рот, чтобы, как обычно, выдать ведро с по-
моями, но в этот момент распаивается дверь, и свет в ла-
боратории загорается. Успеваю только моргнуть, не замечая,
как его губы накрывают мои, а все его тело вжимается в ме-
ня, буквально впечатывая мои бёдра в столешницу.

Разум покрывается красной тряпкой ярости оттого, что
он вообще не церемонится и особенно подкидывает, когда я
ощущаю его горячий язык на своих губах. Кажется, пальцы
я сжала так, что даже через смятую ткань воткнула ногти в

его кожу.

– Молодые люди, вы, кажется, перепутали университет и стены дома, – откашливается мужчина и только тогда Смирнов отлипает от меня.

А затем разворачивается к пришедшему, закидывая руку на моё плечо. Я же еле успеваю подхватить челюсть, увидев, что на пороге лабы стоит наш декан.

– Извините, Перт Степанович, исправимся, – усмехается гадёныш и за плечо утягивает меня на выход.

Иду следом, хотя ноги вообще не желают перегребать и мне не совсем понятно: это из-за декана или... нет. Определённо из-за декана.

– Ты совсем придурок?! – шиплю, как только мы выходим.

– Он друг отца. Перед ним ты должна улыбаться и подставляться так, как только можешь, – жмёт плечом Смирнов.

Ну и... я взрываюсь окончательно. Как только сворачиваем за угол, скидываю с себя его культяпку и злобно толкаю, из-за чего Кир впечатывается лопатками в стену. И откуда во мне столько силы взялось? Одним движением приближаюсь и несмотря на разницу в росте – а она приличная, потому что когда мы рядом я упираюсь носом в его грудь – шиплю ему в лицо, вставая на носочки:

– Во-первых, я ещё не согласилась. А во-вторых, ты не мог знать, что это он.

Смирнов смотрит на меня сверху вниз, натягивая на свою рожу ухмылку и довольно тянет:

– Не мог, но перестраховался и, как видишь, не зря. А что касается согласия, так у тебя нет выбора. Ты же не просто так скрываешься, значит, и в этот раз не станешь рисковать.

Сжимаю зубы, почти до хруста, дышу как дракон, но в итоге просто рычу и делаю резкий шаг назад.

– Так-то лучше, Соболева, – хмыкает, расправляя футболку. – Завтра ты ужинаешь со мной и моими предками, адрес скинешь сообщением. А сегодня... дам тебе немного времени, чтобы смириться с этой мыслью, но сильно не расслабляйся, – делает шаг ко мне, опять сокращая расстояние между нами, и самодовольно добавляет: – Не забывай целовать любимого между парами.

– Да я скорее унитаз поцелую, чем хоть раз сама к тебе за этим подойду, – кривлюсь, закатывая глаза.

– Ну, ты главное просто подойди, дальше я и сам смогу, – со смешком отвечает.

А после снова слишком внезапно обхватывает моё лицо ладонями, впиваясь губами в губы. Застываю, словно статуя, даже не пытаюсь отвечать. Слышу пульс, пробивающийся в ушах, но ещё лучше слышатся удивлённые возгласы знакомых и однокурсников, которые проходят мимо. Да для них это всё в квадрате удивительно, учитывая, что они целый год наблюдали нашу грызню.

Правда в этот раз Кир не пытается затолкать свой язык в мой рот, и я хотя бы не ощущаю такую сильную тошноту от его присутствия рядом. Однако в ноздри всё равно пробива-

ется аромат его парфюма, от которого кружится голова. Хотя он и козёл, но пахнет вкусно...

– До встречи на паре, Золушка, – хрипит, отстраняясь.

Всего секунду смотрит на меня, а после разворачивается и уходит, поправляя одежду, будто я его запачкала.

Смотрю ему вслед и борюсь с диким желанием догнать, убить и закопать в сквере за универом. Только пальцы то сжимаю в кулаки, то разжимаю. Ему просто повезло, что на первое сентября я не взяла с собой сумку: уже бы вдогонку кинула.

– Это всё просто капец, как интересно, – вздрагиваю, услышав недовольный голос Алёнки за своей спиной.

Вот теперь я боюсь. Потому что есть такое ощущение, что если я повернусь к ней, то в меня полетят стрелы ярости. Хотя, пожалуй, в данном случае, я была бы очень даже не против.

Медленно, будто сапёр рядом с миной, разворачиваюсь к подруге и даблю из себя улыбку. Не уверена, что у меня получилось нормально, но это уже и неважно, ведь Лёня в два шага оказывается очень близко, прожигая меня взглядом голубых глаз, и шипит змеёй:

– Я жду подробного ответа на тему: какого хрена тут происходит и почему вчерашний “Смирнов полнейший козёл”, уже сегодня всасывает тебя, как оголодавший.

Единственное, что я делаю – протяжно выдыхаю. А ещё понимаю, объяснить всё, не вскрыв при этом правду – не по-

лучится. И это значит... время пришло.

Глава 10

Аврора

“Признание проблемы — половина успеха в её разрешении.”

©Зигмунд Фрейд

После линейки и законно отсиженного собрания курса Алёна не успокоилась. Да и я, в общем-то, не ждала, что она спустит мне всё с рук, тем более, когда после летучки Смирнов подошёл ко мне и напомнил про сообщение с адресом. Именно в тот момент уже было бессмысленно пытаться съехать с темы.

– Я жду, – вскинув бровь, подруга прожигает меня глазами.

Мы в кафе недалеко от универа. Она сидит напротив, вроде просто пьёт капучино, да и в целом выглядит как ангелочек, но даже белоснежная рубашка не скроет её дьявольского взгляда. Мой персональный надзиратель. А ещё этот долбаный Кир долбит в личку тупыми сообщениями по типу “Дорогая, не забудь, что я жду твой адрес”. Придурок...

Поджимаю губы, глядя на то, как у Алёнки заканчивается терпение, и протяжно выдыхаю, собирая всю свою волю в кулак.

– Тебе коротко или начать с самого начала? – спрашиваю тихо, практически утыкаясь носом в стакан с водой.

– Так, чтобы мне стало понятно, какого чёрта Смирнов твоим личным дантистом заделался, – отбивает строго.

– Ну помнишь вчерашний поцелуй? Вот, он взбесился, – решаю испытать удачу и не касаться темы моей жизни.

– Так взбесился, что понравилось?

– Сильно сомневаюсь, – морщусь. – Скорее так взбесился, что сказал отцу, будто я его девушка, а теперь нам придётся для всех вокруг быть парой, – тараторю очень быстро в надежде, что пока Алёнкин мозг прогружает информацию, её отпустит и она больше не будет меня пытаться.

Но как говорится, надежда умирает последней...

– А почему ты просто не послала его в жопу? – вздёргивает бровь и тут же откидывается назад, поправляя светлые локоны на своём плече.

Прикрываю глаза. Волнуюсь. Это ощущение похоже на то, как когда впервые стоишь перед ледяной прорубью в минус двадцать. Ты смотришь туда, понимаешь, что всё действие займёт от силы несколько секунд и их просто нужно переждать, а последствия принять, но всё равно не можешь заставить себя сделать это. Только теперь ко всей неуверенности добавляется чувство, будто близкий тебе человек отвернётся.

– Алён, я... – начинаю, но снова спотыкаюсь на полуслове и утыкаюсь глазами в стакан перед собой. А затем собираю

себя в кучу и тихо, проговаривая каждое слово, говорю, не поднимая взгляда: – Дело в том, что я бедная. И под бедностью я подразумеваю не БМВ вместо Ролс Ройса, а пешком вместо автобуса. Скрывала это, чтобы быть “своей”, а Смирнов... он узнал и теперь обещает рассказать всем, если я не стану его девушкой.

Повисает молчание. Даже не так... на нас словно куполом обрушивается тотальная тишина. Слышу собственное сердцебиение в ушах, а ещё, кажется, чувствую, как глубоко дышит Алёнка.

– Вот же гадёныш... – шипит змеёй, отчего я удивлённо поднимаю на неё лицо.

И она действительно зла, но, судя по всему, мне не кажется и зла она только на Кира.

– Ты не злишься, что я... ну. Молчала?

– О, боже, Соболева, – фыркает. – Ты думаешь, что я, родившаяся в пелёнках от Гуччи и девятнадцать лет прожившая с золотой ложкой во рту, не отличу паль от оригинала? – придвигается ближе, перегибаясь через стол, уже спокойнее добавляет: – Да я запах дошика на тебе почувствовала, как только ты вошла в аудиторию на первом курсе, первого сентября.

– А... я не ем дошик, – булькаю обиженно. – И зачем ты вообще тогда подошла ко мне знакомиться?

– Потому что мне всё равно, сколько у тебя денег, если ты хорошая подруга, – закатывает глаза. – А в прошлом году ты

выглядела достаточно уверенно для той, кто зашёл в логово к золотым детям.

– Почему раньше не сказала, что знаешь? – неуверенно улыбаюсь.

– Зачем? Если ты скрываешь, значит, так надо. Не в моих привычках давить на больные мозоли, – пожимает плечом и снова берёт в руки чашку. – Думаю, рано или поздно тебя всё равно прорвало бы. Жаль только, что это случилось из-за поганца Смирнова.

– Я бы и так рассказала, просто позже, – чувствую себя самой настоящей овцой и предательницей.

– Забей, – отмахивается Лёня. – Что будем с Киром делать? Хочешь, я с ним поговорю?

– Не надо, – отвечаю резко, из-за чего она аж подпрыгивает на месте. – Он же придурок: возьмёт и расскажет реально всем. Похожу рядом, сделаю вид, что действительно его девушка. Ему через неделю надоест, и он отвалит от меня, особенно если на горизонте замелькает новая юбка, – хмыкаю в конце, потому что целиком и полностью уверена в своих словах.

– Думаешь, успокоится?

– Уверена. Это же Смирнов – фокус его внимания долго задерживается лишь на женских ногах и бутылке рома.

– Ты так-то тоже девушка, – бросает с ухмылкой.

– Боже упаси, Алён! Ты за кого меня принимаешь? Я скорее задавлюсь, чем позволю ему смотреть на мои ноги.

Смотрим друг на друга несколько секунд, прежде чем в унисон начать смеяться. И так легко мне стало оттого, что я поделилась всем с подругой, что будто бы скинула с себя мешок с кирпичами. В идеале бы забить на всех и не скрываться вовсе, но пока что у меня для этого кишка тонка.

Продолжаем хихикать, прикидывая варианты, как можно подгадить Смирнову, и так увлекаемся, что я не сразу слышу свой телефон. А на него одно за одним приходят сообщения. И почему-то мне кажется, что я знаю, чьё имя там увижу.

Беру смарт в руки, открываю мессенджер и да, первым в списке непрочитанных – Кир. А в нашем диалоге:

Кир: Завтра в шесть ужин.

Кир: Я всё ещё жду адрес.

Кир: Не вынуждай меня искать его самому.

– Придурок, – выдыхаю тихо, откладывая телефон в сторону.

Ну что ж... теперь вся ситуация не кажется такой патовой, потому что на моей стороне моя лучшая подруга. Осталось лишь немного потерпеть этого индюка, и я буду свободна.

Глава 11

Кирилл

“Если мышеловка захлопнулась, надо хотя бы доесть сыр.”

©Ноунейм

– Хоть убей, я всё равно не догоняю, почему она согласилась, – хмыкает Арчи, упираясь бёдрами в крыло Гелика, пока мы втроём стоим на парковке у универа.

– Я имею дар убеждения, – усмехаюсь, замечая скептический взгляд Кота.

– Могу ошибаться, но Соболева не из тех, кто поведётся на убеждения, тем более, если дело касается тебя. Вы же друг у друга – как кость в горле, – роняет Тима, прикуривая сигарету.

Он не показывает, но бьюсь об заклад – его выносит со всей ситуации. Потому что Тимоха слюни пускает по Авроре с самого первого дня универа, при этом не делает ничего, ну а я тупо не берусь разрушать его влажные мечты о том, что Золушка нищая. Боюсь, это пошатнёт его неустойчивую психику.

Не, если серьёзно, то мне нужно, чтобы такую информацию знал только я, ведь как ещё её шантажировать, если я

растрепая о таком всем и вся? И раз так уж вышло, что мне Аврора нужна в своих целях, то остаётся всецело уповать на понимание друга и его жалость.

– Значит, я был очень убедителен, – растягиваю губы в улыбке, тем самым давая понять, что больше не хочу разгонять эту тему.

Хотя судя по взглядам, ни Арчи, ни Кот не намерены успокаиваться, и совсем скоро меня ждёт вторая волна допроса.

Делаю шаг назад, доставая смартфон из кармана, открываю диалог с Соболевой, который полон моих сообщений, но нет ни одного её ответа. Только хочу написать какое-нибудь провокационное сообщение, от которого она взбесится подобно истеричке, как на экране высвечивается контакт “Отец”.

– Скоро будем, – предвещая все вопросы, бросаю в трубку, как только нажимаю “ответить”.

Откуда я знаю, что он спросит? Каждый год, вот уже на протяжении пятнадцати лет первое сентября – семейный день. Точнее, даже если никто из нас не хочет этого, то всем всё равно приходится выкраивать вечер, ведь Марина так решила. Обычно мы вчетвером едем куда-нибудь в ресторан, где отмечаем начало учебного года. Собственно, именно поэтому ужин с моей “девушкой” назначен на завтра.

– Отлично. Завтра утром я уеду, но вернусь к четырём. Ужин будет в шесть, – раскладывает по полочкам батя, вгоняя моё эго в жёсткие рамки, а ведь меня до сих пор триггерит с того, что Соболева не скинула мне адрес.

– Понял-принял, – усмехаюсь и кошусь в сторону пацанов.
– Всё давай, скоро приедем, – бросаю и тут же отключаюсь.

Артур и Тим уже смотрят на меня выжидающе, будто я могу или должен открыть им новый материк, и это меня бесит до чёртиков.

– Задолбали, блять, хватить так на меня смотреть, – закатываю глаза. – Это отец звонил.

Секунда, затем они оба кивают и продолжают разговаривать как ни в чём не бывало. Хуже девок, отвечаю.

Снова открываю диалог с Соболевой и практически подряд отсылаю несколько сообщений:

Я: Завтра в шесть ужин.

Я: Я всё ещё жду адрес.

Я: Не вынуждай меня искать его самому.

Не жду, что она в этот раз ответит, а потому просто сворачиваю мессенджер и, убирая телефон в карман, подхожу к Коту, протягивая руку:

– Всё надо валить, а то Марина меня за яйца подвесит. Она мне ещё диван не простила, – ржу, вспоминая лицо ма- чехи.

Тимоха жмёт мою руку, затем прощается с Арчи и тягучей походкой отходит к своему Мокану. Иду к двери с водительской стороны и, не дожидаясь пока Арчи, докурит, ныряю внутрь.

Дома нас уже ждут. Марина и батя сидят в гостиной на новом диване. Его рука на её плече, что-то курлычет ей на

уху, отчего мачеха цветёт и пахнет. Меня бы скривило, если бы я не относился нормально к Марине. По сути-то я другой матери и не знал, она растила меня с пяти лет, взяв под крыло на одну полку с Арчи, ни в чём нас не разделяя: пиздюлей одинаково обоим, плюшки для всех. В общем, я рад, что мы одна семья.

– Переодевайтесь и поехали, – басит отец, как только видит нас.

Мы с Артуром как по команде идём к лестнице, а на втором этаже держим направление к нашим комнатам и так как они находятся близко, то и тормозим почти одновременно.

– Слушай, Кир, – Арчи поворачивается ко мне, взявшись за ручку на двери. – И почему в итоге Соболева согласилась?

Смотрю на брата, прикидывая, насколько правильно будет сказать ему и не сказать Коту, но понимаю, что мне в любом случае придётся сдаваться перед обоими. Протяжно выдыхаю, наклоняя голову вбок, и почти закатываю глаза.

– Она ходячая нищета, Артур, – хмыкаю, рассматривая, как глаза братишки расширяются. – Ага. Весьма бедная. А я просто сказал, что расскажу об этом всем, если она не согласится. Так что молчи, ок? Если ты расскажешь кому-то не тому, то мой козырь пропадёт и я буду вместе с ней работать официантом.

– Думаешь, батя всерьёз способен лишить тебя всего? – хмурится.

– Думаю, я разозлил его настолько, что он сделает это, сто-

ит только дать повод, — усмехаюсь и сразу же захожу в комнату.

В один момент с тем, как закрывается дверь, мой телефон издаёт “пилик” и я очень надеюсь, что это у Авроры мозги встали на место, а когда вижу от неё сообщение с адресом, то сам не замечаю, что протяжно, облегчённо выдыхаю. Видимо, где-то глубоко на подсознanke меня всё же парило, что она не дала чёткого ответа и так долго не кидала адрес. Просто эта сучка не из тех, кто легко сдаётся под давлением, тем более, если оно такое сильное, как выдал сейчас я. Она скорее из тех, кто выгрызает себе путь до конца. Впечатляет, хоть и раздражает.

На автомате в темпе принимаю душ, переодеваюсь в уже привычные футболку и джоггеры, а когда собираюсь выходить из комнаты, прилетает ещё одно сообщение от Ро:

Золушка: Раз уж у тебя теперь есть мой адрес, жду завтра с утра. В конце концов, парень ты мне или нет?

И не знаю почему, но на лице автоматически вырисовывается тупая улыбка.

Глава 12

Аврора

“Велик тот артист, который заставляет зрителей забыть о деталях.”

©Сара Бернар

Ладно, возможно, я зря сказала ему приехать за мной, потому что теперь всё утро ловлю мандраж. Даже проснулась раньше будильника. Но это не оттого, что я хочу этой встречи, не подумайте. От одной мысли, что мне придётся улыбаться этому придурку, пока хочется плюнуть в него – подкидывает. Скорее меня трясёт, потому что я предвкушаю подколы в его стиле, как только он увидит, где я живу. Другого я и не ожидаю. Ну... золотой мальчик, который ничего тяжелее ложки в своей жизни не держал и увидит обратную сторону существования. Уверена, его хрупкое внутреннее равновесие пошатнётся от увиденного.

Натягиваю джинсы, свободный свитер и скидываю в сумку тетради с ручкой. Если честно, нет вообще ни малейшего настроения учиться. Скорее есть острая потребность свалить из универа. В плане – перевестись в другой, и я на полном серьёзе раздумываю об этом.

Смартфон, лежащий на кровати, издаёт противный звук, который извещает о сообщении от Смирнова. Я поставила на

него отдельный кричающий звук, чтобы в случае чего знать – отвечать не обязательно. Но сейчас он означает, что либо он приехал, либо всё же не рискнул и свалил в универ без меня.

Подхожу ближе, наклоняюсь, заглядывая в телефон, и читаю:

Кир: Я подъехал. Выноси свой тощий зад, пока от моей машины остались хотя бы колёса.

Неосознанно закатываю глаза, цокая. И почему я ожидала чего-то именно в таком духе? Слишком предсказуемо.

Подхватываю сумку, на выходе толкаю ноги в кроссовки и, цепляя куртку, вылетаю со скоростью света, потому что слышу, как Миша идёт в прихожую.

Выбегаю из подъезда и сразу ныряю в салон гелика, стоящего напротив подъезда. Смирнов смотрит на меня, как на недоразумение, но я не обращаю внимания, глядя из окна на балкон квартиры.

– Ты привидение увидела, Соболева? – хмыкает над ухом.

Но я опять не реагирую. Лишь дрожу, когда вижу силуэт отчима в окне. Чёрт. Я влипла. Глупо было говорить Смирнову приехать. Очень глупо. Теперь мне точно либо придётся отдавать Мише все деньги, либо искать способы уехать из квартиры, потому что он не даст мне существовать спокойно под его боком.

Поворачиваюсь к Кириллу, который продолжает выжигать на моём виске дыру, и растягиваю губы в улыбке. Пытаюсь, во всяком случае. Подмечаю, что он выглядит счастли-

вее чем обычно и гадаю: дело в том, что он во всеоружии, чтобы мучать меня или просто что-то хорошее случилось? Вон, даже белую футболку под бомбер натянул.

– Мне тебя поцеловать? – скалюсь, видя, как его перекашивает.

– Спасибо, пожалуй, откажусь, – тянет, переключая скорость, и машина сразу трогается с места.

– Жаль, очень хотелось, – притворно обиженно вздыхаю. Отворачиваюсь, глядя в окно, и только на середине дороги, понимаю, что чего-то не хватает. Оглядываюсь по сторонам, в попытке найти здорового Артура, который вряд ли мог спрятаться под сидением.

– А где твой ненаглядный? – хмыкаю, вскидывая бровь.

– А ты хотела, чтобы он узнал про твой скромный недостаток? – со смешком спрашивает, не отводя глаз от дороги. – Ну, точнее, один из твоих недостатков.

– Я думала, вы как две принцесски перед сном делитесь впечатлениями и он уже давно в курсе все, – пожимая плечами, вновь поворачиваюсь к окну.

– И в очередной раз ты в минусе, Соболева, – отзывается без эмоций и на этом замолкает.

Дорога до универа кажется мне фантастикой, потому что Смирнов не пытается выдать свои тупые реплики, а вот стоит машине припарковаться, как меня снова охватывает мандраж. Мне совсем не хочется замечать на себе десятки пар глаз, но я в очередной раз заталкиваю свои хотелки поглубже

и выхожу из машины.

Кир уже стоит возле двери с пассажирской стороны и лениво ждёт. Одна рука в кармане бомбера, другая держит телефон и что-то быстро в нём печатает, однако как только я выхожу, его взгляд отрывается от экрана, а на лице появляется довольная улыбка. Аж карие глаза засветились, подсказывая, что он задумал какую-то гадость.

Так бы и двинула.

Смирнов убирает телефон в карман, а затем протягивает ту же руку мне, раскрытой ладонью вверх. Морщусь, глядя на его – на удивление – длинные, но при этом крепкие пальцы и выдыхаю:

– Это обязательно?

– О да, Золушка, – скалится, шевеля пальцами.

Вкладываю свою руку в его, отчего меня передёргивает. Крепче сжимаю зубы и пальцы, в надежде, что ему хотя бы чуть-чуть будет больно.

И вот этого я опасалась больше всего!

Просто все, кто хоть как-то пересекался с Кириллом, косятся на нас, идущих рядом, а затем опускают взгляд на наши сцепленные руки и их глаза вылетают из орбит.

– Смотри, теперь все девушки перестанут на тебя заглядываться, – тихо говорю, прыская смехом.

– Я-то это как-нибудь переживаю, Ро, – хмыкает, а затем, наклоняясь ко мне, у самого уха, шепчет: – Зато теперь все будут обсуждать, что и ты повелась на меня.

Стоит ему это произнести, как мои щёки вспыхивают и что самое паршивое – я не могу понять: это от злости или от его горячего дыхания у моего лица.

– Придурок, – бурчу, отшатываясь.

– Ага, зато теперь *твой* придурок, – фыркает, делая акцент на единственном слове.

В аудиторию мы заходим так же, как сиамские близнецы. И как по щелчку все сразу же пялятся на нас. Прямо родбрасывает от такого всеобщего внимания, а вот Киру будто вообще всё равно. Пытаюсь вырвать свою руку, чтобы пойти и сесть рядом с Алёнкой, но Смирнов и не думает меня отпускать – напротив, ведёт за собой к своим друзьям.

– Ты что придумал? – почти упираюсь пятками в пол. – Отпусти.

– Не-а, сидеть ты тоже будешь со мной, – отбивает спокойно.

– Кирилл – нет, – мотаю головой, перебирая глазами по пространству в поисках подруги.

– Аврора – да, – упирается он, дёргая меня, из-за чего я практически падаю в его руки.

– Не издевайся так сильно, а? – смотрю в его глаза таким взглядом, что нашумевший кот нервно покуривает в сторонке. – Показались в коридорах и хватит. Отпусти же, ну.

Между нами минимум пространства, а его парфюм, кажется, перемешивается с моим. Мне сложно дышать от самой ситуации и возмущения, что клубится внутри, но я в

очередной раз проглатываю это, лишь бы ему в голову не взбрело ещё что-то из ряда вон выходящего.

– Ладно, – наконец сдаётся под напором моего щенячьего взгляда, при этом наклоняется ближе. – Целуй и иди.

Морщусь, но быстро возвращаю себе лицо, вспоминая, что на нас как бы люди смотрят. Слишком много людей, как по мне. А затем всё же приподнимаюсь на носочках и касаюсь своими губами его.

Они у него тёплые, мягкие и со вкусом мяты. Не знай я, что это Смирнов, мне бы даже понравилось, наверное, но сейчас мне остаётся только надеяться, что ему не взбредёт в голову совать свой язык в мой рот. И этого не происходит, только его лапа слишком ощутимо укладывается на мой затылок, фиксируя.

Отлипаю через несколько секунд, и после удовлетворительного хмыка Кирилл расцепляет наши руки. На негнущихся ногах несусь в сторону Алёны и с силой падаю рядом. Кажется, только сейчас начинаю дышать полной грудью. Хоть и от злости.

– А так и не скажешь, что вы не перевариваете друг друга, – смеётся Лёня. – Вполне себе влюблённая пара.

Фыркаю, закатывая глаза и раздражённо бросаю:

– Ой, замолчи, ещё от тебя мне комментариев не хватало.

Глава 13

Аврора

“В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!”

©Антон Павлович Чехов. Смерть чиновника

Терпеть тупые шуточки Смирнова – полбеды. Терпеть его брата – мелочи. А вот сидеть с ними в одной компании – настоящая каторга! Зато Алёне всё нравится, ведь Тимоха тоже здесь, а значит, она может в полной мере насладиться его присутствием, несмотря на то что ему особо нет до этого дела.

И вот, сидим в столовой за одним большим столом: Артур то и дело пытается бросать “смешные” шутки, над которыми смеётся только он и его альтер эго, Кир каждые две минуты напоминает мне про ужин с его семьёй, будто у меня проблемы с краткосрочной памятью, а Тима смотрит на всё это с жалостью.

– Ну вообще, если так подумать, то вы неплохо смотрите, – Арчи в очередной раз выдаёт какую-то глупость.

– Слушай, братец, а тебе не пора пари выполнять? – Смирнов бросает на него косой взгляд, а затем ищет кого-то в толпе и когда находит, удовлетворительно кивает.

Артур тут же хохлится, стреляет глазами в ту же сторону и, выплывая из-за стола, двигает куда-то в сторону. Тут уже мне становится любопытно, и я тоже смотрю, куда он ушёл. И готова поклясться, я способна убить, когда вижу, что этот шкаф с ай-кью пылесоса падает на стул возле девчонки, на вид которой требуется срочная психологическая помощь. Она красивая. У неё светлые роскошные волосы и милое лицо, на котором появляется испуг, как только Арчи начинает с ней разговаривать.

– Оу, фак, только не говорите, что вы поспорили на девчонку? – рычит Алёна, глядя злобным взглядом на Тимоху и Кирилла по очереди.

– Это не твоё дело, – жмёт плечами Кир, делая глоток воды, и откидывается на спинку стула.

– Это отвратительно, – шиплю я, а затем, наклоняясь ближе к нему, добавляю: – Там спор, здесь шантаж. Что следующее? Будете снимать секс на камеру, чтобы показать всему свету?

– Я бы на твоём месте расслабился и забил, – хмыкает в ответ. – О себе бы подумала, а не о какой-то девчонке.

Задыхаюсь, подавившись возмущением, но Смирнов словно и не замечает этого: продолжает лениво пить воду из бутылки, глядя куда-то в пространство.

– Это низко, – продолжает Алёна. – Даже для вас, засранцев.

– Да ладно вам, чё завелись-то? – раздражённо фыркает

Тима. – Это всего лишь спор. Никто не просит его расчехлять её и как-то доказывать это. Всё в силе лишь до момента, пока она не втрескается.

– А потом этот придурок пошлёт её и разобьёт сердце девочке! – бьёт ладонями по столу Лёня.

– От тебя я такого не ожидала, Тимох, – бросаю разочарованно, вызывая этим смешок Кирилла.

– Ты ведь не думала, что мы дружим просто так, да? Подобное к подобному, знаешь ли, – почти мурлычет Кир.

– А, так вот почему я тебя на дух не переносу, – отвечаю в тон ему. – Просто ты козёл и падальщик.

А затем резко встаю, хватая сумку, и только заносу ногу, чтобы уйти из столовой, как меня за запястье хватают чьи-то пальцы. Точнее, я знаю, чьи они, но мне до последнего не хочется это признавать.

– Далеко собралась, – рычит, поднимаясь и сокращая дистанцию между нами до минимума.

– Подальше от тебя, придурок, – плескаю ядом в его лицо, задрав голову.

– Молодые люди, давайте воздержимся от прелюдий в стенах универа, – слышится сбоку голос какого-то преподавателя, но мы со Смирновым не обращаем внимания, продолжая гипнотизировать друг друга. Словно пытаемся прожечь дыру во лбу друг друга.

– Отпусти. Я поеду домой, – цежу сквозь зубы, дёргая рукой, чтобы вырваться из его хватки, но она у него железная.

– С какого перепуга? У нас ещё пара, – рычит таким же тоном.

– Отвали, Смирнов. Ты, может, и мой парень, но не моя нянька, и если я хочу уйти сейчас, то я уйду.

– Я с тобой, – говорит Алёна, внезапно появившаяся рядом с нами. – Отвезу тебя.

Смирнов хмурится, глядя на меня, затем медленно переводит взгляд на Лёню и в его глазах промелькивает осознание. Он понял, что Алёнка знает правду. И это не вызывает в нём ничего, кроме нервозности, которая тут же видится в желваках, гуляющих по его лицу.

– Я заеду в четыре. Будь готова, – возвращая внимание ко мне, бросает Кир, расцепляя свои пальцы на моей руке, и место, где он держал, тут же начинает покалывать.

– Можешь скинуть денег на платье, – шиплю, потирая запястье. – Номер знаешь, – хмыкаю и, разворачиваясь на пятках, сваливаю из столовой.

Лишь на улице понимаю, что Алёнка всё это время следовала за мной молчаливой тенью. И хотя её видок тоже злой, но во взгляде пляшут смешинки.

– Что? Говори уже, – протяжно выдыхаю, бросая на неё короткий взгляд, как только мы оказываемся на парковке.

– Ты только что потребовала у Смирнова денег? – выдаёт со смешком.

Резко торможу, осознавая, что я только что сделала... мать моя! Я реально потребовала у него денег! Не попроси-

ла, не предложила, а именно потребовала!

От осознания этого начинаю посмеиваться, а следом и во-все смеяться, но кажется, что это немного истеричное.

– Вот что делает с людьми злость, – прикладывая ладонь ко рту, пытаюсь себя успокоить, когда продолжаю движение к машине подруги.

– Интересно: скинет или нет? – хмыкает Алёна.

– Сомневаюсь, – вторю тем же тоном, и в этот же момент из моего кармана раздаётся крикание.

Алёнка непонимающе смотрит, а я замираю, так и не взявшись за ручку машины, потому что... либо Кирилл написал очередную тупость, либо...

Достаю смарт, снимаю блокировку и читаю сообщение:

Кир: Если не хватит – позвонишь.

И только после этого я вижу сообщение о зачислении. Вот теперь уже крикаю я.

– Что там? – Алёнка с любопытством в голосе подходит вплотную ко мне и заглядывает в телефон. – Ох ты ж ёп твою...

Ага... Там в сообщении сумма, которую я зарабатываю за месяц. И всё это на одно лишь платье...

Глава 14

Аврора

”Урок номер два. Успокойся. Перестаньте трястись и нервничать. Всё, что с нами происходит, случается именно тогда, когда нужно.”

©Бернар Вербер. Тайна богов

Чем ближе момент ”икс”, тем сильнее у меня потеют ладони. Без шуток. Только и успеваю протирать их бумажными салфетками, засоряя урну возле подъезда, лишь бы не запачкать платье, купленное сегодня.

Изначально я хотела вернуть деньги Кириллу и сказать, чтобы он затолкал их себе куда-нибудь поглубже, но Алёнка покрутила у виска и сказала: “пошли тратить. Считай, он заплатил за своё козлячество”. Хотела бы с ней поспорить, да только вот подумала, что, в общем-то, она права.

Свалив с пар, мы потратили несколько часов, блуждая по бутикам и выбирая платье. Я вообще хотела какие-нибудь офигенные джинсы и если бы не Лёня, то их бы и купила. Однако она затолкала меня в шикарное коктейльное платье, глубокого синего цвета, с открытой спиной и вырезом ”каплей”, которое едва прикрывает мою задницу, но при этом имеет достаточно пышную юбку. Короче, мне понравилось, Алёнке тоже, а на мнение Смирнова мне плевать.

Он должен подъехать ещё через полчаса, но я убежала из дома раньше, чем Миша продрал бы свои пьяные глаза и увидел мой внешний вид. Не хочется проверять, что взбредёт в его голову. И именно поэтому я в темпе нанесла лёгкий макияж, затолкала своё тело в новое платье и сбежала, как реальная Золушка.

Хожу от подъезда до дороги по кривой каменной тропинке, стараясь поймать равновесие и не рухнуть тут на каблучках. Джинсовка болтается в руках, маленькая сумочка висит на плече, а у меня в ушах только цокот отдаётся эхом и, почему-то, голос придурка-Смирнова.

Я всё ещё бешусь с той ситуации в столовой и полна решимости найти ту девушку, чтобы всё ей рассказать, однако сначала надо разобраться с внезапно нарисовавшимся парнем.

И стоит только о нём подумать, как из-за угла появляется Гелик. Смотрю на время, понимаю, что он приехал слишком рано, но не пытаюсь сопротивляться и просто ныряю в салон, как только машина останавливается полностью.

– Ты рано, – говорим друг другу одновременно и так же в унисон выдаём смешок.

Карие глаза Кира выдают какую-то странную эмоцию, когда пристально осматривают меня, но затем он моргает и всё пропадает так же резко, как появилось.

– Хватило денег? – прочищая горло, задаёт самый неожиданный вопрос.

– Да, – отчего-то дико смущаюсь, опуская глаза на собственные голые колени. – Скину, что осталось.

– Не надо, – слишком спокойно отвечает, поворачиваясь к рулю, и переключает передачу, трогаясь с места. – Будем считать, что это на мелкие траты, которые обязательно будут.

Поджимаю губы, чтобы не ответить резкостью, потому что сейчас дико ощущаю себя содержанкой. И это чувство мне определённо не нравится.

– Почему так рано приехал? – бросаю, задумчиво глядя в окно, когда мы выезжаем на главную дорогу.

– До моего дома ехать ведь около часа, а ещё надо заехать за цветами Марине.

Поворачиваюсь на него, глядя в прищуре, и пытаюсь понять, кто такая Марина и что там за гарем собирается. Неужели это очередная попытка меня унижить? Не будет же он до такого опускаться?

Взгляд сам цепляется за расслабленные руки, что умело выворачивают руль, за часы, что отсвечивают на солнце, а затем поднимаются выше. Понимаю, что Кир сидит в белой рубашке, а значит, он тоже уже был дома. Волосы, как обычно, в лёгком беспорядке, а на лице полный покерфейс. Ровно до того момента, пока он не замечает, что я пялюсь на него.

– Что? – выдыхает устало, как только останавливается на светофоре. – Я же молчал, а всё равно заслужил твой гневный взгляд.

– Нет у меня гневного взгляда, – фыркаю, закатывая глаза.

– Ещё как есть, – парирует, смеясь. – Ты им на меня постоянно смотришь. Ну так, и? Что произошло в твоей голове за те десять секунд, которые я молчал?

– Кто такая Марина? – спрашиваю слишком резко и тут же понимаю, как это звучало.

Но пусть думает что хочет: мне главное, чтобы он не начал опять исполнять свою любимую пьесу, где я – козёл отпущения.

Смирнов снова выдаёт смешок, качая головой, а когда светофор переключается на разрешающий, трогается с места и спокойно отвечает:

– Это моя мачеха. Мать Артура. А ты что подумала? Вживаешься в роль и включаешь ревность?

Прыскаю смехом, и Кир заражается им тоже. Теперь хочем, как два дурака, но в этом есть плюс: мой напряг уходит на второй план.

Заезжаем в цветочный, где Смирнов выбирает шикарный букет белых роз и когда выходит из цветочного, ловлю себя на мысли, что выглядит он и правда офигенно. Как-то иначе... Кир и без того никогда не был, как тот же Арчи – не пустоголовый бугай-спортсмен. Чаше в полу классике или повседнежке, но сегодня у него даже взгляд более цепкий, взрослый... Иной, который я то и дело ловлю на себе.

Он садится в машину, толкает мне в руки цветы и видя мои глаза по пять копеек – улыбается.

– Ты будто Годзиллу увидела, – хмыкает.

– Скорее пытаюсь понять, куда делся заносчивый засрапец, – отвечаю в тон ему, но замечаю лишь всю ту же лёгкую улыбку.

Дорога до его дома и правда кажется мне бесконечной, но меня, определённо, радуют виды. Осень уже вовсю наступает город, и небольшие островки леса вдоль трассы, из зелёного перекрашиваются в оранжевый, красный и жёлтый. Залипательно, особенно, пока не думаешь, в чьей машине едешь и куда именно он тебя везёт.

Как только мы сворачиваем с главной дороги на поселковую, дрожь в моих руках снова начинает пробиваться, но в этот раз слишком ощутимо. Почти до колик в кончиках пальцев. И чёртовы ладони опять потеют.

Смирнов бросает на меня короткие взгляды, замечая, как я от нервов заламываю пальцы, однако молчит. Видимо, понимает, что лучше ничего не говорить, чтобы не попасть под горячую волну, бушующую во мне.

Спустя ещё минут двадцать машина останавливается напротив уже знакомых мне ворот, и с моих губ срывается протяжный выдох.

– Когда я в прошлый раз шла отсюда домой, мне казалось, что твой дом находится ближе, – зачем-то говорю, рассматривая светлый камень, из которого вокруг сделано практически всё.

– Ты шла домой? – удивлённо спрашивает он. – В смысле пешком? По трассе?

– Ага, – киваю. – Какую-то часть пешком, потом уже звала такси, – поворачиваю голову к нему и замечая его ошарашенные глаза, поджимаю губы. – Давай без шпилек в мой адрес, окей?

– Сегодня я – сама учтивость, – растягивает губы в улыбке, заглушая двигатель авто. – Готова?

– Нет. Но у меня ведь нет выбора? – хмыкаю, глядя на его весёлую рожу.

– Не-а, – тянет довольно, а затем сахарным тоном добавляет: – Время любить меня, Золушка.

Глава 15

Аврора

“Моя и так не очень четкая картина мира подвергалась жестокому потрясению, невыносимо хотелось взять в руки дневник и написать: «Какого хрена происходит?»”

©Ирина Сыромятникова. Алхимик с боевым дипломом

Каждый следующий шаг до дома даётся мне тяжелее предыдущего. Я то и дело норовлю тормознуть и развернувшись убежать. К тому же дорогу до своего дома я точно знаю. И с точностью могу сказать, сколько нужно времени, чтобы пройти примерно половину пути. Но рука Смирнова каждый раз ловит меня за локоть и тянет в сторону злополучных дверей.

– Слушай, давай просто признаемся твоему отцу, что это было недоразумение? – жалобно пишу, в очередной раз пойманная с поличным, когда мы оказываемся в двух шагах от крыльца.

– Не прокатит, Соболева. Я уже сказал, что ты моя девушка, а ты уже поставила на кон моё будущее, – фыркает Кир, дёргая меня, но я упираюсь в каменную плитку ногами, оставаясь на месте.

– Не утрируй, – закатываю глаза. – Это всего лишь поцелуй, а ты выставляешь всё так, будто я тебя своими руками

подтолкнула совершить убийство.

Кирилл сжимает губы в тонкую линию, словно сдерживая порыв что-то мне сказать, но очень быстро берёт себя в руки и опять натягивает на лицо, выражение “я король мира сего”. В один короткий – и слишком неожиданный – шаг оказывается вплотную ко мне, забирая крупницы моей уверенности так же филигранно, как делал каждый раз до этого. Толкает в мои руки букет и всё с той же ухмылкой наклоняется к моему лицу.

– Хочешь ты или нет, но мы продолжим этот фарс, Аврора. Не заставляй меня быть гондоном, – рычит тихо, раскатисто.

И от этого звука мой желудок начинает вибрировать, а вслед за ним и остальные органы превращаются в желе.

– Как по мне, так ты и не перестаёшь им быть, – сквозь дрожь в голосе шепчу и наблюдаю, как его лицо наклоняется ещё ближе.

И, прежде чем он успевает хоть что-то ответить, боковым зрением замечаю, что входная дверь открывается, ещё больше освещая территорию у дома. А в следующую секунду Смирнов впивается своими губами в мои. Крепко, плотно. Без возможности увернуться, потому что его рука тут же скользит на мой затылок, зарываясь в волосах, и фиксирует. Аромат его парфюма сразу накрывает меня, будто куполом, не давая и шанса на глоток свежего воздуха, но я почему-то только глубже вдыхаю, забивая им лёгкие.

Наверное, от удивления.

Первый порыв – двинуть ему между ног, но я быстро гашу это в себе. На место злости приходит осознание: он поцеловал меня, только из-за того, что раньше заметил открывающуюся дверь.

Да, точно, так и есть.

Чувствую его горячий язык, скользящий по моим губам, и совершенно не контролирую тот жар, что раскатывается по телу, опускаясь тяжёлым камнем куда-то вниз. Дрожу, но когда вторая его ладонь укладывается на мою спину, касаясь пальцами голой кожи – становится легче. Всего на мгновение. А после – лава растекается по венам, угрожая сжечь нас обоих. И готова поспорить – Смирнов чувствует это так же отчётливо, как если бы огонь горел в нём, потому что крепкие пальцы обеих рук ещё сильнее сжимают меня.

– Я могу зайти обратно и притвориться, что меня здесь не было, – слышится женский лёгкий смех, звук которого вынуждает Кириллу отстраниться.

Но он не отодвигается далеко: пара сантиметров и вот они – его наглые глаза, которые в данный момент выжигают какой-то хаотичный узор на моём лице. Карий взгляд чуть затуманенный, а в его отражении только я. И отчего-то я дико зависаю на этом. Да и он практически не моргает. Настолько всё равно на происходящее, что, кажется, мы оба забыли, что на пару квадратных метров нас тут трое.

– Мы сейчас зайдём, Марин, – бросает Смирнов, не отры-

вая глаза от меня.

Секунда и дверь закрывается, забирая приличный кусочек света. Теперь всё кажется слишком... опасно.

– Успокоилась? – хрипит, переводя взгляд на мои губы, которые я тут же сжимаю в тонкую линию, а затем прикусываю нижнюю, ощущая, как она припухла.

Киваю. Неуверенно. Даже немного рвано. Но Киру этого мало, раз он так и не позволяет вздохнуть без его присутствия, а потому я тихо добавляю:

– Да.

Правда, это больше похоже на скулёж, однако я убеждаю себя, что всё совсем не так.

– Тогда пошли, – не спрашивает – утверждает.

А я снова киваю, как болванчик. И только тогда Смирнов делает шаг назад, давая возможность вдохнуть полной грудью, после чего протягивает руку ладонью вверх.

Моргаю пару раз и несколько секунд просто смотрю на длинные пальцы, что ещё мгновение назад сжимали меня. Опять ловлю жаркую волну и сама же с этого бешусь, однако всё равно вкладываю свою руку в его.

Нас встречает уже знакомая прихожая, в центре которой стоит тот самый мужчина, что был за стойкой в торговом центре, а рядом с ним просто невероятная женщина. На вид они ровесники, но если по отцу Кирилла можно понять возраст из-за редкой седины в висках и короткой щетине, то женщину выдают лишь мелкие морщины у глаз. Да и то, ес-

ли бы я не знала, что она мать дебила-Артура, подумала бы, что она его старшая сестра. Тёмные волосы, голубые глаза, цвет которых видно даже с такого расстояния, а осанка... манера держаться скалой у неё явно в ДНК. Это отчётливо подчёркивает чёрное длинное платье на ней. И с Арчи у них сходство, пожалуй, только в глазах. Она невысокая, хрупкая, изящная, а Артур... шкаф.

А вот Кирилл с отцом – одно лицо. Только волосы у старшего чуть темнее. В остальном же... Настолько похожи, что у меня моментально краснеют щёки, при воспоминании о том, что творилось на улице.

– Здравствуйте, – лепечу, пытаюсь придать голосу уверенности.

– Добрый вечер, – отец Кира широко улыбается, подходя ближе, вместе со своей женой.

Будто очнувшись ото сна, протягиваю Марине букет, который по-прежнему держу в руках, а затем отвечаю на улыбку мужчины своей, такой же.

– Пап, это Аврора, – глядя то меня, то на свою семью, говорит Смирнов. – Ро – это мой отец. Павел Валерьевич.

– Очень приятно, – едва заметно киваю.

– А мне-то как, Аврора, ты бы знала, – усмехается Павел Валерьевич.

– Паша, – шипит на него Марина, толкая в бок.

– А это Марина Алек... – начинает Кир.

– Просто Марина, я ещё не настолько стара, чтобы ко мне

по отчеству обращались, – расплывается в улыбке и, толкая цветы в руки мужу, с кошачьей грацией подплывает ближе, чтобы после обнять меня.

Такой простой и лёгкий жест вызывает во мне те ощущения, что я очень давно не испытывала, будто... мама обнимает.

– Мы все очень рады тебе, Аврора, – говорит тихо, чуть отстранившись и удерживая меня за плечи.

Улыбаюсь, киваю и сглатываю ком, который так не вовремя встал поперёк горла. Но когда Марина отходит к Павлу Валерьевичу, на мою спину укладывается ладонь. Так неожиданно, что я слегка вздрагиваю, вот только в этом касании нет той жёсткости, что была на улице. Будто... Смирнов просто проявил человечность. Если такое про него вообще можно сказать.

– Ну хватит стоять, пойдём за стол, а то ещё пара минут и Артур сорвётся с поводка, – посмеиваясь Марина подгоняет нас, а затем разворачиваясь на пятках, выходит, утягивая отца семейства за собой.

– Ты нормально? – спрашивает Кир, наклоняясь ко мне, как только мы остаёмся вдвоём.

– Не устал ещё спрашивать? – словесно кусаюсь чисто на автомате. Но почти сразу же остываю и добавляю: – Да, всё хорошо, просто... вспомнила кое-что.

Практически физически ощущаю его взгляд на своём виске, однако всеми силами игнорирую его, скидывая ботинки.

Не собираюсь я открывать ему свои слабые точки. Это же Смирнов – проболтайся и жди потом подачи. Спасибо, не надо. Одну мою тайну он уже узнал, теперь я за это расплачиваюсь.

Глава 16

Кирилл

“Злость-самая бесполезная из эмоций. Разрушает мозг и вредит сердцу.”

© Стивен Кинг

Золушка, сидящая справа настолько очевидно, дрожит, что во мне клокочут два желания: встряхнуть её, чтобы привести в чувство и... поцеловать. Чисто на мой взгляд, от второго она быстрее начинает возвращать себе способностью думать. Да и я ловлю прикол с этого. Особенно с её лица, после поцелуя, будто я сделал что-то из ряда вон выходящего или перед её глазами карета в тыкву превратилась. Короче, максимально странная реакция. Тут два варианта: либо она всё ещё не привыкла, что я получаю всё, что захочу, либо никто до этого её не целовал. Но во второе я слабо верю.

Марина задаёт нейтральные вопросы, на которые обычно резкая Соболева отвечает с видом милашки-скромняжки и этот образ явно не укладывается в голове Арчи, что сидит напротив нас и смотрит на Аврору, вскинув бровь. Однако она тоже не во всём играет свою роль прекрасно, периодически одаривая Артура ненавистным взглядом. Естественно, пока предки не видят.

Я же... не могу себя остановить и раз в несколько минут

обожу глазами её фигуру в этом чёртовом платье. Когда увидел её возле потрёпанного падика, первой мыслью было: она не отсюда. Здесь ей не место. Соболева чертовски охерено выглядит в нём, а уж те места, что открыты... От одного воспоминания соприкосновения кожи к коже, по венам пробивает двести двадцать. И тут одно из двух: либо у меня недотрах, либо... про второе “либо” даже думать не хочется.

– Аврора, а кто твои родители? – вдруг отец задаёт тот вопрос, который я не хотел услышать больше всего.

– Моя мама... – Ро запинается, утыкаясь глазами в тарелку, из-за чего я впериваюсь в неё острым взглядом.

Вижу, как дрожит её глотка, когда она тяжело сглатывает и как едва заметно стекленеют глаза, но Соболева быстро берёт себя в руки и поднимает лицо уже с улыбкой. Это восхищает. Ей определённо больно, но для всех – она счастлива. Не удивлён, что у неё получалось целый год играть роль, которую никто бы так и не раскрыл, если бы меня не дёрнул чёрт ехать на другой конец города.

– Моя мама умерла, – наконец Золушка отвечает, из-за чего повисает молчание. Оно липкое и неприятное, даже для меня.

И хотя моя мать жива и здорова, просто не участвует в моей жизни от слова совсем, я и представить не могу, что ощущал бы, если бы её не было. Паршиво...

– Она умерла пять лет назад, – перед моими глазами только профиль Авроры, когда она, сжимая вилку, говорит это

предкам, но я вижу огонёк грусти в её глазах. – Я скучаю по ней.

– А отец? – Марина поджигает губы, будто вместо бати жалеет, что этот вопрос был задан.

– Я его не знала, – качает головой Ро. – Меня растил отчим, он...

– У него свой бизнес в торговле за рубежом, – перебиваю я раньше, чем Аврора успеет сказать о своём положении.

Не надо отцу знать этих подробностей. А сам выяснять он не станет, тем более после этого ужина.

Золушка поворачивается ко мне, хмуря светлые брови, но в ответ я смотрю вполне непринуждённо. Зато Арчи, даун блять, выдаёт смешок, получая мой осуждающий взгляд. Он-то замолкает, а вот Соболева быстро складывает два плюс два, и на её лице рисуется осознание: Артур знает её секрет.

В моменте – всего на долю секунды – я ощущаю укол совести, но отпускает меня так же быстро. Я ничего ей не обещал, нехер на меня злиться.

– Да, Аврора у нас по жизни, как сыр в масле, – комментирует Артур и тут же ловит два злобных взгляда: мой и Золушки.

Дальше всё идёт более менее гладко, однако я физически ощущаю психи Авроры и не удивляюсь им. Мало того, что я напиздел отцу, так ещё и Артур подливает масло в огонь, отпуская периодически тупые шутки.

– Очень вкусный рататуй, – Соболева с улыбкой смотрит

на Марину.

– Да, я очень люблю его готовить, – кивает мачеха, растекаясь от её слов.

– Правда, сами готовили? – неподдельно удивляется Золушка.

– Я не похожа на ту, кто умеет? – смеётся Марина.

– О, нет! Что вы, – Ро теряется от такой реакции и несмотря на доброжелательное лицо Марины, сжимает в пальцах вилку.

Ну ёб твою мать, я бы никогда не подумал, что она такая тонкая натура. Кусается вечно, как дикая кошка, а тут от одной шутки в обморок упасть готова. Причём я не шучу: на её лице реально нарисована паника.

Незаметно для всех укладываю ладонь на острое колено, и от этого касания Аврора замирает. Будто каждая функция в её организме отключается и остаётся только та, что помогает повернуть на меня лицо. Лицо с широкими глазами и едва приоткрытыми припухшими губами.

И снова у меня под кожей простреливает, стоит вспомнить их вкус.

Бля-бля-бля. Нет. Не надо. Это чисто фарс для предков. Не больше.

– Я правда рад с тобой познакомиться, Аврора, – отец подкидывает дровишек в костёр.

Золушка смотрит на него, натягивая на лицо улыбку, хотя все её тело до сих пор каменное из-за моей руки, большой

палец которой гладит внешнюю сторону её бёдра.

– Я тоже, честно, – отвечает мягко, продолжая смотреть на бату. – Мне долгое время было интересно, какая семья у Кирилла.

– Какие мы любопытные, – хмыкает Арчи, отчего меня снова берёт псих и я непроизвольно сжимаю пальцы. В том числе те, что держат Аврору.

– Арч, – зову его сквозь зубы. – Пошли перекурим?

Брат смотрит на меня, хлопая глазами, будто не понимает причину моей злости, а Аврора под столом впивается своими пальцами в мои и, распахнув веки, смотрит на меня, еле заметно мотая головой.

– Потом перекурите, – фыркает Марина. – Всем сидеть на местах, я сейчас принесу десерт.

– Давайте я помогу? – отзывается Ро.

– Сиди, ты в гостях, – мягко отвечает папа. – Я сам помогу.

– Да ей не привыкать, – опять проявляет чудеса остроумия братец.

Сжимаю зубы до хруста. Родители смотрят то на меня, то на Арчи поочередно, а затем, ничего не понимая, встают и уходят, не забывая при этом ласкаться, словно двадцатилетки.

– Арчи, ещё хоть слово, и я сам лично снесу твою будку, ты понял? – рычу, как только предки исчезают за углом.

– А чё не так? – вполне серьёзно не соображает он.

– Прекратите оба, – шипит Аврора. – Ты, – смотрит на меня, скидывая мою руку со своего бедра, – зачем ты соврал? А ты, – переводит взгляд на Артура, – козёл. Если ты думаешь, что своими тупыми шутками как-то самоутверждаешься, то сильно ошибаешься. Размер твоего интеллекта все ещё на уровне улитки, придурок.

– Чё ты сказала? – замечаю, как в глазах брата начинает искрить.

– Что слышал, – фыркает Ро. – Мы тут всё понимаем, что на тебя развития не хватило, так что не обязательно это всем демонстрировать.

И конечно же, Артуру не нравится такой тон. Он медленно встаёт, при этом воспламеняясь и занимая собой приличный кусок пространства. Я уверен, что Аврора испугается, но в её взгляде не меньшая злоба, будто она готова сцепиться с ним прямо тут. Повторяю его движение, и вот мы стоим друг напротив друга, а между нами лишь стол. Я чисто машинально прикрываю собой Золушку просто потому, что знаю, на что способен Арчи, когда его шторы закрываются.

Мне определённо не нравится, что здесь происходит, но при этом меня тоже закусил его поведение. Просил ведь держать язык за зубами...

– Осади, – произношу тихо, предупреждая.

– Угомони свою бичужную сучку, пока я не пересчитал ей зубы, – рычит брат.

И, естественно, на этих словах Ро вскакивает. Оборачива-

юсь на неё, понимая, что нахожусь меж двух огней и у меня сейчас два варианта: сцепиться с братом, который не следит за базаром и знатно выбесил меня своими словами, или просто увести Аврору, но при этом выслушать тонну дерьма в свой адрес. От обоих вариантов последствий будет тьма, но от второго мне хотя бы не прилетит от бати.

Цепляю Золушку за руку и дёргаю на себя. Та стоит, будто приклеенная и пышет злобой, глядя на Арчи. Сжимает свои пальчики в кулаки, словно реально способна с ним зарамсить, но при этом в уголках её глаз собирается влага. Дёргаю ещё раз. Всё так же ноль реакции. И этим она лишает меня вариантов.

Резким движением подхватываю хрупкую тушку, закидывая на плечо и придерживая платье на упругой заднице, уношу её на второй этаж. В моей комнате пусть бомбит сколько угодно, но здесь... нельзя.

Глава 17

Кирилл

“Потрясение – это сотрясение неподвижных основ.”

© Владимир Леонтьевич Гавеля

Ставлю Золушку на пол, только после того, как переступаю порог спальни и тут же получаю кулаками в грудь.

Мне-то не больно, но зато я вижу, сколько ярости она вкладывает в это движение. Grimаса злобы на её лице видна даже при тусклом освещении неоновой ленты, которая светит по дну кровати двадцать четыре на семь.

– Сволочь, – шипит, продолжая меня колотить. – Что за цирк вы устроили? Ты говорил мне, что больше никто не знает про меня!

Каждый её удар отдаётся вибрацией по моему телу. Так ощущается кратковременный порыв схватить и оттолкнуть, но я терплю, тупо потому что понимаю – это я заслужил.

– Ты всё растрепал Артуру! А он даже при родителях не сдерживается, не говоря уже про остальных! – удары становятся слабее, а её голос надламывается. – Ты всё испортил, Смирнов! Как обычно!

Всхлип. И Аврора делает резкий шаг назад, разворачивается, опуская лицо в ладони. На пару секунд замирает так,

прежде чем растирает его руками, но продолжает стоять спиной. Смотрит в панорамное окно, в котором я вижу её отражение. Это отражение меня по-прежнему ненавидит. И снова это паршивое чувство, будто мне стыдно.

Мне не стыдно, но... я виноват.

– Никому он не расскажет. Я поговорю с ним, – стараюсь говорить спокойно, размеренно. – А отцу я соврал, чтобы он не копал под тебя.

– Ох, ну конечно, в этой семье хроническая непереносимость бедности, да? – злобно усмехается, поворачиваясь обратно. – Я хочу прекратить этот фарс, Кир. Ты мой парень вторые сутки, а я уже на грани нервного срыва.

Смотрю в её глаза, понимаю, что она не шутит, однако я не намерен лишаться всего из-за её вспыльчивости.

– Ты сама виновата, Соболева, что это случилось. Ясно? – приближаюсь к ней медленно, почти угрожающе. – Вытвори ты такую херню с психа в универе, я бы и слова тебе не сказал, но твоих куриных мозгов хватило, чтобы лезть ко мне с поцелуем перед камерами и перед отцом. Так что терпи, – встаю напротив и жду, когда её сорвёт снова. – Молча глотай последствия своих необдуманных решений, – добиваю.

В её голубых глазах плещется обида, злость, отрицание. Да там такая смесь, что будь я кем-то попроще, меня бы снесло этой лавиной. Но я продолжаю смотреть. Пока её не срыгает и по щеке не скатывается слеза, оставляя влажную дорожку. А затем проходит пару секунд и Золушка наотмашь

хлещет меня по лицу.

Прикрываю глаза, немного отворачивая лицо, борюсь с желанием встряхнуть её и лишь сжимаю пальцы в кулаки. До хруста в суставах.

– Это из-за тебя я так сделала, – произносит надломленным голосом, когда я поворачиваюсь к ней, заглядывая в стеклянные глаза. – Если бы ты не пытался меня зацепить каждый раз, то мне бы не сносило голову от злости на тебя!

На каждом следующем слове тон становится громче, рискуя привлечь ненужное внимание, и я понимаю, что Соболева ловит истерику. Один короткий шаг и оставшееся между нами расстояние разрывается, как лист бумаги, а я обхватываю её лицо ладонями и накрываю своими губами её.

Теперь её вкус – солёная карамель, но это ни капли ей не вредит.

Аврора замирает. Всего на мгновение, а затем упирается руками в мою грудь. Отталкивает, но я не отстраняюсь. Наоборот, сквозь её сопротивление толкаюсь языком в рот, пока она не сдаётся. Расслабляется, впуская меня, и, как только наши языки переплетаются, выдыхает в мои губы стон. Протяжный, до безумия сладкий. Напрягает во мне всё то, что и так напряжено до предела.

Её пальцы сжимают рубашку на моей груди, когда она яростно отвечает на поцелуй, не переставая при этом плакать.

Одна мелкая дрянь заполняет собой все мои мысли, и я

уже не знаю, что хуже: что желание прибить её смешивается с тупым животным инстинктом или что это проецируется именно на Авроре.

Запутываюсь пальцами в волосы на её затылке и со злостью прижимаю ещё сильнее к себе, но Золушка лишь ещё охотнее сдаётся. Срывая мои тормоза.

Терзаю её губы, то прикусывая их, то зализывая. Вторая рука уже блуждает по голой коже спины, то и дело норовя спуститься ниже, но я торможу себя. Как могу. Хотя нахожусь на краю пропасти.

Спустя время всё же отрываюсь тяжело дыша, наблюдаю перед собой глаза, покрытые дымкой, из которых продолжают бежать слёзы.

Прикрываю веки, борясь с непонятным чувством внутри. Это похоже на раздражение. Только вот раздражение на самого себя. Ненавижу доводить баб до слёз и в этом виновата Марина. Она с детства нам внушала, что так делать нельзя.

Тянусь рукой обратно к её щеке, открывая глаза и касаюсь большим пальцем мокрого следа. Аврора вздрагивает, но не отходит, продолжая смотреть на меня и глубоко дышать. Стираю слезу, а затем и подтираю остатки размазанного макияжа, но что удивительно – его не так уж и много. Я бы даже сказал практически нет.

Аромат карамели впечатался под кожу и уже почему-то кажется противным. Наверное, потому, что теперь я знаю, она не только пахнет ей, но и на вкус такая же.

– Как только мой отец успокоится, мы все это прекратим, – говорю тихо, пытаясь убедить её, что это правда и я не больше неё рад такому раскладу.

Хотя, очевидно, после всех разов, что я срываюсь рядом с ней – Аврора мне уже мало верит.

– А если не успокоится? – спрашивает дрожащим шёпотом.

– Успокоится, – заверяю. – Дело времени. И с Арчи я поговорю.

Золушка гипнотизирует меня, закусывая припухшую губу, на которую я тут же бросаю короткий взгляд и в очередной раз ловлю приход.

Блять. Я хочу Соболеву. Прекрасно. Докатился.

Глубоко вдыхаю, делая шаг назад, давая нам обоим пространство и возможность дышать спокойнее.

– Отвези меня домой, – с мольбой в голосе просит, а у меня нет причин ей отказывать. Тем более после того что тут произошло несколько минут назад.

Даже сам с огромным удовольствием это сделаю, лишь бы избавиться от назойливой мысли разложить её на этой кровати.

Киваю, а затем разворачиваясь, иду к выходу, не дожидаясь, когда Золушка пойдёт за мной.

Когда мы спускаемся, все уже сидят за столом и на тарелках стоит десерт. Шоколадом пахнет и весь дом, но это один хер не перебивает карамельный аромат. Его даже хлоркой не

вымыть, видимо.

– Мы поехали, Авроре уже пора, – говорю Марине, которая смотрит на нас с непониманием и одновременно с полным осознанием того, что происходило наверху.

– А как же брауни? – чуть ли, не выпячивая губу, смотрит на Соболеву.

Ро переминается с ноги на ногу, глядя на мачеху, но затем протяжно выдыхает и переводит взгляд на меня.

– После десерта поедем, – тихо говорит, сдаваясь.

Я на это только усмехаюсь, потому что сам не раз попадал в эту ловушку Марины. У неё есть особый взгляд, которому сложно отказать, и он примерно равен тому, когда она злая. В обоих случаях хочется сделать так, чтобы она успокоилась. Ну, или бежать.

Десерт, слава яйкам, съедается спокойно, несмотря на то, что мой брат и моя “девушка” не забывают перекидываться многозначительными взглядами. Когда же мы всё-таки собираемся уезжать, отец даже обнимает Аврору на прощание. Я вижу её растерянность, однако и благодарность тоже. Будто ей в новинку получать такие “отцовские” объятия.

– Я правда очень рада познакомиться, – лепечет Золушка, то и дело поправляя подол платья.

– И мы, – кивает батя.

– О, Аврора! Через неделю мой день рождения, и я непременно хочу, чтобы и ты была на семейном ужине! – восторженно выдаёт Марина.

А мне хочется крикнуть: “ну блять, ещё этого не хватало!”. И Авроре тоже, судя по всему.

Она перекидывает на меня взгляд, а в нём снова плещется паника.

– Она придёт, – киваю, глядя на Ро, и её паника усиливается. Я почти физически снова ощущаю на щеке, что до сих пор пылает.

– Отлично! – довольно лепечет мачеха, хлопнув в ладоши.

Сразу уволю Соболеву за пределы дома. Правда, пока мы идём до машины, я жду её взрыва, но его не происходит. Даже когда мы выезжаем на трассу – тишина. Словно у неё сели батарейки и она не хочет больше ни с кем разговаривать. Да я и не настаиваю.

Только когда мы подъезжаем к её дому, Аврора немного оживает и смотрит на окна каким-то странным взглядом, словно боится возвращаться домой.

– Всё нормально? – за каким-то хером спрашиваю, из чего на вздрагивает, будто только сейчас вспоминает, что находится здесь не одна.

Поворачивается ко мне, глядя в мои глаза с сомнением, вперемешку со страхом, но кивает.

– Да, всё отлично, – лепечет тихо и, захватывая свою сумочку, вылетает из машины.

А мне остаётся только смотреть на её отдаляющийся силуэт и гадать, что это вообще было.

Глава 18

Аврора

“Нельзя унижать человека, не унижаясь вместе с ним...”

© Букер Тальяферро Вашингтон

Переступаю порог квартиры с бешено колотящимся сердцем, но при этом тихо, как мышь.

Пока бежала домой, меня вдруг захлестнуло осознание, что мой организм превращается в желе, когда рядом Смирнов и дело вовсе не в ненависти или злости. Уже нет. И его вечно уверенное лицо в скупе с надменностью уже не кажутся раздражающими: теперь они заставляют меня успокаиваться каждый раз, когда мне хочется взорваться. Непрошенные бабочки, что появляются, как только он оказывается рядом – раздражают меня. И вместе с тем греют так, как не ощущалось уже давно.

Но, как только я захожу в квартиру, ко мне возвращается реальность. Карета превращается в тыкву, а белоснежные кони — в Мишу, что стоит напротив, подперев плечом косяк, и смотрит таким взглядом, что по телу тут же разносятся липкие, мерзкие мурашки.

– Вернулась, – тянет будто сонным голосом, но я понимаю, что он просто пьян. – Натрахалась? Денег заработала?

– Что ты несёшь? – хмурюсь, разуваясь, и тут же подхватываю обувь, чтобы унести её в комнату.

Но когда я пытаюсь пройти мимо отчима, на моём локте тут же сжимаются пальцы, до боли сдавливая его, а в другую секунду я уже лечу в стену.

Острая боль пробивает вдоль позвоночника, когда спина натывается на бетон и я еле сдерживаю всхлип. Только закусываю губу и зажмуриваюсь, зная, что ждёт меня дальше.

Он никогда не бил меня и не распускал руки, но сделать моим телом пару вмятин в стене – дело лайтовое. Для него. Для меня – неделя восстановления, в лучшем случае.

– Я жду деньги, – рычит мне в ухо.

– У меня нет денег, – шепчу, не открывая глаза. – Это была просто встреча.

Удар, от которого я вздрагиваю и подпрыгиваю на месте. Не вижу, но чувствую его руку возле своей головы. Мне не хочется думать о худшем, но горячее дыхание вперемешку с перегаром толкает мысли в этом направлении против воли, и я просто задерживаю дыхание, вспоминая лицо Кирилла.

Миша что-то говорит, но я не слушаю, прокручивая в голове хриплый голос, уверяющий меня, что всё будет нормально. Касание пальцев к шее тоже отодвигаю на задний план, хотя к горлу тут же подходит тошнота. Слишком объёмная и весомая. Вспоминаю вкус губ Смирнова. Аромат его парфюма, что до сих пор щекочет ноздри. Полностью концентрируюсь на нём, а не на том, что мой отчим убирает во-

лосы с моих ключиц, дёргая ворот платья, отчего я слышу треск швов. Дорогуших швов. Только это беспокоит меня в последнюю очередь.

– Сбежала, маленькая сучка и думала, я не замечу, на какой машине тебя забрали? – рокошет в кожу возле шеи, а я с новой силой всхлипываю, по-прежнему не открывая глаза.

Но когда я чувствую, как его рука укладывается на моё бедро, начинаю плакать и дрожать всем телом. На большее я неспособна просто потому, что он в два раза больше и даже пьяный – сильнее меня.

Эти касания будто разъедают меня изнутри. Мерзким, гнилым чувством. Вынуждают ненавидеть себя и его. И у них нет ничего общего с тем, что делал Смирнов несколько часов назад.

Рука Миши движется выше, а я уже захлёбываюсь рыданием и воем, когда раздаётся звонок в дверь. Такой неожиданный и спасительный, что я не сдерживаю протяжного облегчённого выдоха.

Миша замирает, выдаёт короткую тираду матов и отходит. Мои руки безвольно опускаются вдоль тела, а ботинки падают на пол с грохотом. И стоит двери открыться – начинаю дышать, вновь заливаясь слезами. На пороге стоит Кирилл.

Его лицо хмурое, пока он смотрит на Мишу перед собой и становится совсем злым, когда он замечает меня.

– Чего тебе, щенок? – рявкает отчим.

– Аврора, ты забыла, – Смирнов поднимает мой телефон

в своей руке, не обращая внимания на мужчину перед собой, лишь неотрывно смотрит на меня. – Выйди ко мне.

– Никуда она не выйдет, – встревает Миша, и только тогда Кир переводит взгляд на него.

Они прожигают друг друга взглядами, и я не знаю, кого в данный момент бояться больше, но Миша шире, хотя Кирилл и выше. Мне страшно за него. Потому что я знаю, что отчим в этом состоянии не контролирует себя. А Кир... его здесь было не должно. Он не из этого мира.

Но тем не менее он делает вкрадчивый короткий шаг к моему отчиму, практически впечатываясь в него своим телом и сменяя белоснежную рубашку.

Не могу на это смотреть... ему нельзя здесь находиться...

В два широких шага я оказываюсь возле двери и рывком забираю смарт из рук Смирнова, а затем, вытирая слёзы, нарочито небрежным тоном говорю:

– Спасибо, но я не выйду.

– Ро... – давит Кир.

– Ты не слышал? Не выйдет, – рычит Миша и, делая шаг назад, захлопывает дверь перед его носом.

Но когда он поворачивается ко мне... я понимаю, что это всё только усугубило ситуацию.

И мои мысли подтверждает резкий удар по скуле.

Рот тут же заполняется металлическим привкусом, стирая вкус Кирилла, а из глаз брызгают новые слёзы от боли. Но Миша не намерен останавливаться: обхватывает моё ли-

цо ладонью, пока я пытаюсь сообразить, где у мира верх, а где низ, силой впечатывает затылком в стену и после рычит, придвигаясь вплотную:

– Я не шутил, когда сказал, что ты мне должна. Ты пять лет живёшь за мой счёт мелкая шлюха, и если ты думаешь, что я успокоюсь только потому, что твой ебать появился на порог, то ты ошибаешься. Ясно?

Из-за того, что мой рот и нос закрыты его ладонью – мне нечем дышать. Но боль и паника перемешиваются в единую волну, и сейчас мне не хочется чувствовать вообще ничего. Самым лучшим вариантом для выхода из положения, кажется – и дальше оставаться без воздуха. Чтобы всё, наконец, закончилось. Но нервные импульсы пробивают каждую мышцу, когда тело ощущает недостаток кислорода, и оно реагирует быстрее мозга, а потому я быстро киваю.

Миша довольно хмыкает, отпускает меня, рывком отбрасывая в сторону и, уходя обратно на кухню, роняет:

– Чтобы я его здесь больше не видел.

Я не помню, как оказалась в комнате, и единственное, на что хватило моих сил – доползти до кровати, по-прежнему держа в руке телефон.

А дальше... тьма и бесконечные слёзы, сквозь которые я вижу лишь одно злое лицо и карие глаза на нём, залитые кровью. Но меня греет мысль, что впервые за всё время эта злость была направлена на меня.

Глава 19

Кирилл

“Если хочешь перемен, но одолевают страхи — значит, не пришло еще время. Настанет момент — и жизнь сама толкнет тебя с привычного пяточка, на котором ты в сомнениях топчешься.”

© Ноунейм

Смотрю на дверь, которая хлопнула перед моим носом, и первый порыв – вынести её с петель. Но я же не дебил – понимаю, что не имею на это никакого права.

Как я узнал, где она живёт? Пошевелил знакомых, кто способен такое выяснить, и это оказалось совсем несложно. Сделал это ещё вчера и чисто на всякий случай, но кто же знал, что эта информация мне пригодится, да?

Поднимаю руку, чтобы позвонить в звонок, но так и не нажимаю его. Меня останавливает тот факт, что Соболева сама меня спровадила. Значит, всё нормально и ничего не произошло. С одной стороны.

С другой же, я видел её лицо и что-то явно случилось. И это что-то, очевидно, из разряда, о чём она добровольно мне не скажет. Да и не должна же, по сути.

Разворачиваюсь, так и не позвонив, делаю шаг и замираю.

Возвращаюсь к двери, снова заново руку и опять останавливаюсь.

Повторяю этот ритуал с уходом раза три, пока окончательно не спускаюсь обратно к тачке. Уже в салоне смотрю в экран смартфона. Палец так и норовит открыть диалог, но я снова перебарываю себя и, откидывая телефон, запускаю движок, а затем и уезжаю, решив, что поговорю с ней после выходных.

Естественно, я написал сообщение Соболевой на следующий день с утра. Простое: “Привет. Расскажи, что случилось?”. Но ответа на него не получаю. Ни через двадцать минут, ни через час, ни к вечеру.

Внутри шкербётся странное ощущение, словно меня бортанули, но при этом не по собственной воле, а рёбра скрипят от понимания, что, возможно, я оставил её один на один с проблемой. Из чего возникает вопрос: а почему мне вообще есть до этого дело?

Ближе к ночи, когда лежу, глядя в потолок, отправляю ещё несколько сообщений по типу: “почему не отвечаешь?”, “скажи, блять, что произошло” и “если ты сейчас не ответишь, то я приеду снова”.

Удивительно, но на последнее приходит ответ:

Золушка: Всё нормально, прекрати мне писать.

Вскакиваю на кровати, так резко, что голова идёт кругом. Мотор в груди пытается выйти прогуляться, а я сам не знаю, чему больше рад: что она ответила или что сделала это

в привычной манере.

Я: Расскажи, что происходит?

Золушка: Ничего. Большие не смей заходить ко мне.

Я: Я приеду в понедельник за тобой.

Золушка: Не надо. Я не пойду в универ.

Свожу брови на переносице, всё ещё сидя на кровати и упёршись локтями в колени.

Я: Почему?

Но это сообщение Аврора даже не читает, хотя находится в сети. Жду десять минут, пятнадцать, тридцать. Тишина.

Я: Ро, ответь мне.

Но и теперь глухо.

Психую. Встаю с кровати, на ходу натягивая спортивные штаны и первую попавшуюся футболку, но когда пулей вылетаю из комнаты, сталкиваюсь нос к носу с отцом.

– Не спишь? Отлично, – кивает он. – Пошли.

– Па, у меня дела, – отмахиваюсь. – Давай потом.

– Это касается бизнеса, – хмурясь говорит.

– Ночью? Другого времени нет? – раздражённо бросаю, пытаюсь его обойти.

– А какие дела у тебя на ночь глядя? – вторит мне тем же тоном, словно напоминая, что я теперь как бы на поводке и не пристало мне ночью быть где-то, кроме собственной кровати.

И я порываюсь сказать, что поехал к Соболевой, но вовремя понимаю, что это будет выглядеть максимально тупо,

ведь для отца – Аврора из приличной семьи и не шароебится ночами.

Фак. Я своей ложью сам себя в угол загнал.

– Что там с бизнесом? – вымученно выдыхаю, глядя на довольного родителя.

Воскресенье для меня проходит так же в ожидании, но в этот раз Ро не реагирует даже на угрозы о приезде, а ещё меня с самого утра напрягает Марина, и мы, захватив Артура, весь день, возим мачеху то по её салонам с проверками, то по магазинам, не переставая при этом слушать, что мы два придурка, которых в этой жизни не заботит ничего, кроме нас самих.

И вот она это говорит, а в моей голове флешбэками мелькают слёзы Золушки и её испуганный взгляд, когда я стою на пороге её квартиры.

Значит, ей досталось за то, что я приехал. Но почему? Чем я не угодил отчиму? Хочется поехать и спросить лично, но тормозит только тот факт, что если я прав, то Соболевой достанется снова. И мне остаётся только гипнотизировать телефон в ожидании ответа, который так и не приходит.

Зато у меня есть достаточно времени, чтобы сказать Артуру закрыть пасть и перестать дёргать Золушку. Хотя бы на то время, что мы играем этот спектакль. Брат, естественно, смотрит на меня, как на пришельца, но часа через три, после всех моих нотаций, сдаётся.

А чем ближе утро понедельника, тем чётче я осознаю – я

боюсь узнать, что произошло. Не так, что дрожу от страха, а так, что на подсознательном уровне жду, что что-то всколыхнётся. И хотя я слабо в это верю, но предчувствие слишком острое.

Будто я взял на себя ответственность за эту бестолковую девчонку. И вот оно мне надо?

Убеждаю себя, что мне всё равно. Раз за разом повторяю это себе, как мантру, но в каждый из таких моментов внутренний голос орёт в ответ: “лжец!”.

В понедельник утром я стою у её дома около часа, специально приехав заранее, но Аврора так и не выходит. В какой-то момент мне думается, что она уже в универе, просто наебала меня и я еду туда, но её нет. Ни на первой паре, ни на второй, ни под конец дня.

Алёне она так же не отвечает, как и мне. И блондинка в отличие от меня в панике, при этом не забывает добавлять, что это я, придурок, во всём виноват. А мои объяснения, на тему того, что я ничего не сделал, она даже слушать не хочет.

– Я поеду к ней, – решительно говорит Михеева, материализуясь около меня, когда звенит звонок с последней пары.

– Я отвезу, – встаю тоже под удивлённые взгляды пацанов.

– Вообще-то, я тоже за рулём, – вскидывает светлую бровь. – Просто скажи мне адрес.

– Значит, покажу, – давлю тоном.

Алёна смотрит на меня несколько секунд, но затем всё же кивает и разворачиваясь, двигается к выходу.

Дорога до этой норы кажется бесконечной, но как только мы подъезжаем к этажке, я торможу на обочине у кустов не доезжая. Мерс Алёны равняется с моим Геликом, и окно медленно открывается.

— Первый подъезд, шестой этаж, девяноста восьмая, — говорю спокойно, хотя внутри какого-то хера бушует шторм.

Михеева кивает и проезжает дальше, паркуясь прямо напротив подъезда, а я только наблюдаю. Не отрывая взгляд от падика и жду. Меня не покидает чувство, будто произошло непоправимое, и я был обязан ещё раз позвонить в тот долбаный звонок...

Проходит пять минут, десять. И тишина. Я уже готов взорваться, когда приходит сообщение от Алёны.

Михеева: Кир, она дома. Тут... писец.

Срываюсь так резко, что сам не успеваю понять, как это происходит. Машину захлопываю, забыв поставить на сигнал. Только в башке пульсирует мысль, что я был прав и что-то всё же случилось. На шестой этаж и вовсе залетаю, переступая через две ступени, а после врываюсь в хату так, словно она моя.

Взгляд тут же цепляется за Аврору. Такую уютную и домашнюю в своём костюме, что под кожей растекается тепло, а затем... замечаю ярко-фиолетовый фингал на скуле.

В этот момент мой мозг отключается, а я действую чисто на инстинктах...

Глава 20

Аврора

“Вы можете закрыть глаза на вещи, которые вы не хотите видеть, но вы не можете закрыть своё сердце на вещи, которые вы не хотите чувствовать.”

© Честер Беннингтон

Выхожу из комнаты, как только слышу, что входная дверь закрывается.

Все выходные просидела в комнате, выползая из неё только ночью или когда Миша уходил в магазин. Так что сейчас чувствую себя голодной, как собака. А точнее – как волк, если учитывать, что уже далеко за полдень.

Подлетаю к холодильнику и открывая его – раздражённо выдыхаю. Внутри настолько пусто, что плакать хочется. Бутылка воды, пол-лимона и пара корочек хлеба. Зато дверка забита соусами и заплесневелым маслом. Всё, что я готовила до ужина у Смирнова – закончилось, а Миша не догадался купить хоть что-то, что не имеет градус.

Прекрасно.

Достаю чёрствы корки, пару соусов и лимон с водой. Если здоровое питание выглядит так, то я, пожалуй, пас.

Пока сооружаю что-то наподобие бутерброда, прислушиваюсь ко всем звукам. А когда жую этот комок ненависти к

окружающему миру – думаю.

Мне срочно нужно выходить на работу, но там пришлось взять отпуск за свой счёт из-за синяка, что теперь красочно светит на моём лице и даже самый плотный тональный крем не спасает. И выйти на работу я смогу не раньше, чем в универ. А это ещё день-два. Но если не найти денег, мне будет очень плохо. Примерно через два бутерброда и будет.

Тут же вспоминаю о деньгах Кирилла, которые у меня остались, но одёргиваю саму себя. Мише их не отдала и сама тратить не буду.

Кир... он все выходные мне писал и, наверное, был единственной причиной, по которой не уехал мой котелок, но мне пришлось его оттолкнуть. Буквально вынудила себя не поддаваться на его провокации в сообщениях о том, что он придет, чтобы он, наконец забил. И, кажется, у меня получилось. Хотя это грустно. Отчасти.

Алёна тоже, наравне со Смирновым – но благо только сегодня – строчит сообщения. А я не отвечаю, тупо потому что не знаю, как объяснить ей своё отсутствие на парах. Да и врать я не умею, если уж на то пошло. И доказательство тому тот факт, как быстро она раскусила меня с моим “богатством”.

Глотаю кусок, который тут же встаёт поперёк горла и, открывая бутылку с водой, делаю глоток. Облокачиваюсь бёдрами о столешницу, протяжно выдыхаю.

Как меня задолбало это выживание...

Дёргаюсь, когда слышу звонок в дверь и почти на грани истерики готова бежать в комнату, но вовремя вспоминаю, что Миша не стал бы звонить. На цыпочках крадусь к двери и смотрю в глазок. Практически взвизгиваю, увидев там Алёну, а после пячусь назад.

Звонок повторяется, но я всё ещё не спешу открывать. И только когда слышу голос подруги, оживаю:

– Соболева, я знаю, что ты дома. Больше тебе негде быть. Если ты не откроешь дверь, я буду кричать, слышишь?

Раздаётся громкий стук, больше напоминающий грохот, который мои барабанные перепонки не в силах выдержать. Ещё бы, за три дня они слышали только тишину, музыку в наушниках и собственные мысли.

Срываюсь к двери и резко открывая, затаскиваю подругу внутрь, чтобы никто из соседей не услышал.

– Тише ты! – шиплю на неё.

И сначала лицо подруги озаряет улыбка, но потом... она видит синяк, и её глаза расширяются.

– Что это, Ро? – шепчет, прикладывая пальцы ко рту.

– Упала, – отмахиваюсь. – Ты чего приехала?

Делаю максимально непринуждённый вид, но на самом деле дрожу как осиновый лист, потому что дико боюсь, что вот-вот зайдёт Миша.

– Ты не отвечала... Кир там на панике... а я... – с запинками проговаривает и в итоге просто садится на обувную полку в своих дорогуших джинсах. – Дай воды, – шепчет.

Поджимаю губы, глядя на её растерянный вид, и не знаю, что сказать. Разворачиваюсь, иду на кухню, достаю стакан и беру воду, которую не допила, а затем наливаю и выношу Алёнке.

Смотрю, как она судорожно делает глоток и только открываю рот, чтобы хоть что-то выдать в своё оправдание, как входная дверь распахивается, заставляя моё сердце остановиться, а на пороге появляется взбешённый Кирилл.

Облегчённо и вместе с тем ещё более сжато, выдыхаю. Что за вечер встречи выпускников?

Его карий взгляд проходит по мне начиная с ног. Я почти физически его ощущаю. Настолько, что сжимаюсь от этого. Но самое страшное происходит, когда Смирнов останавливается на моём лице. Его глаза сразу же становятся не взбешёнными, а бешеными. Поистине дикими.

Он делает шаг в квартиру, выдавая рыком:

– Я убью его.

– Ну конечно, тебя ещё тут не хватало, – всплёскиваю руками, в два шага оказываясь рядом с ним и затаскиваю в квартиру, закрывая дверь.

– Где он? – пышет злостью.

– Отвали Смирнов, – огрызаюсь, пытаюсь его успокоить.

Хотя, чего лукавить, внутри всё трепещет от такой его реакции.

– Аврора... – тянет с угрозой в голосе. – Где он?

– Да нет его дома. Угмонитесь вы! Зачем вообще прие-

хали? – взрываюсь.

– Потому что ты не отвечала! – вторят мне в один голос.

– Кто же так делает! – возмущается Лёня. – И кто – он?

О чём вообще речь?

– Ни о чём, – раздражённо отмахиваюсь. – Всё нормально. Просто упала, решила отсидеться дома, – продолжаю уже спокойнее.

Смирнов, всё это время гипнотизирующий меня, усмехается:

– Алён, не оставишь нас? – бросает, не глядя на подругу.

А эта предательница и не думает сопротивляться! Встаёт с обувницы, поджимает губы, когда я качаю головой в знак “не уходи” и хмыкает напоследок, будто отвечает: “сама виновата”.

Дверь закрывается, перекрывая мне доступ к кислороду. Отворачиваюсь, потому что взгляд Смирнова обжигает меня. Да и не хочу, чтобы он так пристально смотрел на художество у меня на лице. Но Кириллу всё равно: он делает шаг ближе, вставая рядом со мной и легонько обхватывая моё лицо, тянет на себя.

Поддаюсь, будто против воли. Смотрю в карие глаза, тяжело сглатывая вязкую слюну, которая скопилась из-за одного его присутствия. Кир продолжает смотреть на мою скулу и сжимает губы в белую тонкую полоску.

– Это из-за меня? – давит хрипом, очерчивая пальцем кровоподтёк.

– И да и нет, – отвечаю тихо, заворожённо наблюдая за эмоциями на его лице.

Они сменяются как калейдоскоп: от злости и неприятия до полной отрешённости и сожаления. Слишком непривычно видеть столько всего в свою сторону от Смирнова. Будто это совершенно другой человек. Незнакомый мне.

– Так нельзя, Аврора. Это ненормально.

– Это не тебе решать, – голос дрожит, но не от страха или от воспоминаний о том вечере. А из-за того, что мне хочется разрыдаться. Распластаться в его руках и как маленькой девочке плакать. От его слов, его присутствия и касаний. Таких мягких, что это всё кажется сном.

Но меня останавливает лишь одно: он не из этого мира. Не из моего. Ему здесь не место. Просто потому что он не сможет даже на грамм понять, как жить в этом.

Там, откуда он, серебряные пустышки и мясо с золотым напылением; водители, домработницы и няни с детства. Здесь же... боль, разочарование и вечный голод.

И я сейчас говорю не про среднюю полосу населения. В про ту её часть, кому приходится выбирать: купить гроздь винограда детям или новую обувь на зиму.

– К ужину у твоих родителей это пройдёт, а об остальном тебе не стоит беспокоиться, – роняю, отворачиваясь.

Просто уйди. Не надо. Не изводи меня.

Но Кир встаёт рядом и снова укладывает руку на моё лицо. Не тянет на себя, не давит. Просто заглядывает в мои

глаза.

– Не знаю, что творится в твоей вате, которую ты называешь мозгом, – хрипит у моего уха, – но знай, что ты можешь попросить меня о помощи.

– Уходи, Смирнов, – дёргаюсь, пытаюсь его отогнать.

И это помогает. Он убирает ладонь, делая шаг назад, а затем молча выходит. И в этот же момент меня прорывает, словно дамбу разбили. Не знаю, отчего это: от обиды или от бессилия, но слёзы катятся из моих глаз и кажется, что их ничем не остановить.

До тех пор, пока дверь вновь не распахивается, а Смирнов снова не врывается в квартиру и со словами “Да пошло оно всё нахер”, не подлетает ко мне, подхватывая на руки, а затем впивается своими губами в мои.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.